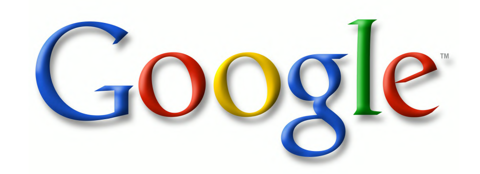
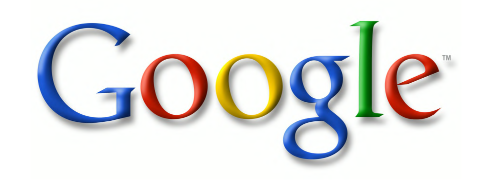




РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XVIII-й.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИРИКА.

Пѣсни обрядовыя. — Пѣсни семейныя. — Пѣсни бытовыя. — Пѣсни удалыя. — Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.



П. В. Шейнъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1894.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 19 мая 1894 г.

ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

ХОРОВОДЪ.

...АЯ БИБЛІОТЕКА,

...РЕДАКЦІЕЮ

...ОВА

...ОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

...АЯ

...ЛИРИКА.

... — Пѣсни удалыя.—

СОДЕРЖАНІЕ.

в) ХОРОВОДНЫЯ.

г) ВЕСЕННІЯ.

д) СВАДЕБНЫЯ.

е) БЫТОВЫЯ.

ж) ДѢТСКІЯ ПѢСНИ.

з) ЭЛЕГИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

А) Обрядовыя пѣсни.

а) зимняго солноворота.

1.

„Въ окрестностяхъ Москвы возятъ въ саняхъ, наканунѣ Рождества Христова, въ бѣлой рубашкѣ дѣвушку, которая называется колядою, и поютъ:

Уродилась Коліода [1])
Наканунѣ Рождества,
За рѣкою, за быстрою.
　　Ой Коліодка, ой Коліодка!
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни Коліодушки (ѣ).
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,

---

[1]) Подъ словомъ: коліодка, коляда (вѣроятно, отъ римскаго названія calendae, первый день каждаго мѣсяца) разумѣется языческій праздникъ послѣ зимняго солноворота, рожденія яснаго солнышка, по времени соотвѣтствующій нынѣшнимъ Рождественскимъ праздникамъ. Въ это время, пѣлись пѣсни, назыв. *колядками*, ходили по домамъ и получали отъ хозяевъ подачки за *колядованіе*.

Возлѣ котла козелъ стоитъ.
Хотятъ козла зарѣзати:
— Ты, братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!—
„Я радъ бы выпрыгнуть,—
Горючъ камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали“.
Ой Коліодка, ой Коліодка [1])!

(Терещенко. Бытъ рус. нар., т. VII).

2.

Ой Коляда, Коляда,
Посконная борода!
Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Кто дастъ лепешки,
Золоты окошки;
Кто дастъ каши,
Золотыя чаши;
Кто дастъ свѣжины,
Золотые чигуны (чугуны).

(Воронцовъ, Сборн. пѣс.)

3.

„Въ навечеріе Рождества Христова, въ селахъ и деревняхъ, дѣвицы, собравшись по нѣскольку вмѣстѣ, ходятъ кучками по улицамъ отъ одного дома къ другому и подъ окнами поютъ слѣдующія пѣсни:“

Приходила Коледа
Напередъ Рождества.
Виноградье красно зеленье мое!

---

[1]) Въ этой пѣснѣ сохранилось упоминаніе о языческомъ принесеніи въ жертву козла въ честь солнца.

Напала пороша
Снѣгу бѣленькаго;
Какъ по этой по порошѣ
Гуси-лебеди летѣли,
Коледовщички
Недоросточки,
Недоросточки
Красны дѣвушки
Сочили (и) искали
Иванова [1]) двора.
А Ивановъ дворъ
Ни близко, ни дáлеко:
На семи верстахъ,
На восьми столбахъ;
Вокругъ этого двора
Тынъ серебряный стоитъ;
Вокругъ этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тынинкѣ
По жемчужинкѣ.
Во этомъ во тыну
Стоитъ три терема,
Стоитъ три терема
Златоверхіи:
Во первомъ терему
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему
Красно солнышко,
Въ третьемъ терему
Часты звѣздочки.
Свѣтелъ мѣсяцъ—
То хозяинъ въ дому,
Красно солнышко—

[1]) Упоминается имя хозяина, передъ домомъ котораго поютъ.

*

То хозяюшка,
Часты звѣздочки—
Малы дѣточки.
Какъ самого господина
Дома нѣтути,
Дома нѣтути,
Не случилося,—
Въ Москву съѣхавши
Суды судить,
Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши—порядивши,
Домой ѣдетъ онъ:
Онъ женѣ-то везетъ
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своимъ-то сынамъ
По добру коню,
Своимъ доченькамъ
По злату вѣнку,
Своимъ служенькамъ
По сапоженькамъ.
Наша-то Коледа
Ни мала, ни величка,—
Она въ двери не лѣзетъ
И въ окно намъ шлетъ.
Ни ломай, ни гибай,
Весь пирогъ подавай!
Виноградье красно зеленье мое!

(Шейнъ, Пѣсни).

4.

Прикажитко ты, хозяинъ, коледу просказать...
Мы ищемъ, мы ищемъ господинова двора...
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ,
На седьми верстахъ, на осмидесятъ столбахъ...

Что же около двора да желѣзный тынъ,
Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ,
Что на всякой же по крестику,
Что на всякомъ же крестику по жемчужку...
А среди того двора что три терема стоятъ,
Что три терема стоятъ златоверховаты...
Что въ первомъ терему красно солнце...
Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ...
Что въ третьемъ терему часты звѣзды...

(Снегиревъ. Р. пр. празд.)

5.

Овсень, овсень [1])!
Ты ходилъ, ты гулялъ
По крутымъ горамъ,
По святымъ вечерамъ.
Овсень, овсень!
Ты леталъ, ты порхалъ
Къ Филимону на дворъ
Къ Прокофьичу.
Овсень, овсень!
Ты сыскалъ, угадалъ,
На широкомъ дворѣ
Полны ведра виномъ.
Овсень, овсень!
У хозяина дворъ
Осушенъ, омощенъ,
Чисто выметенъ.
Овсень, овсень!
По срединѣ Москвы,
У хозяина дворъ

---

[1]) Праздникъ коляда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, зовется: *авсень*, *таусень*, *овсень*—назв. одного корня съ словомъ *весна*.

Воротами красенъ.
Овсень, овсень!
Воротами красенъ,
Вереи ихъ пестры,
Всѣ обточенныя.
Овсень, овсень!
У Прокофьича дворъ
Весь тыномъ затыненъ,
Серебромъ обнесенъ.

(Хозяинъ открываетъ окно и радушно подаетъ подачку. Если она щедрая, то начинаютъ притопывать съ радостнымъ свистомъ, прищелкивать и плясать подъ пѣснь).

На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
Высокіе теремочки—
О двѣнадцати вѣнцахъ.
Филимонъ-сударь хорошъ,
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.
Овсень, овсень!
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

(Хозяинъ открываетъ, въ другой разъ, окно и говоритъ ласково: „Милости просимъ въ избу. Мы рады Овсеню, гостю жданому. Не погнѣвайтесь только, чѣмъ Богъ пошлетъ“. Они входятъ въ избу съ похвальными припѣвами):

Первый теремъ—свѣтелъ мѣсяцъ,
Другой теремъ—красно солнце,
Третій теремъ—часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—хозяинъ самъ,
Красно солнце—хозяюшка,
Часты звѣзды—ихъ дѣтушки.

(Терещенко. Б. рус. нар.)

5.

Летѣла пава,
Таусенъ!

Черезъ наши поля,
Роняла перья.
Кому перья брати?
На что перья?
Шапочку шити,
Перьями пушити.
На что шапочку?
На базаръ ѣхати,
Топорикъ купить
Дрова рубить,
Пиво варить,
Мосты мостить.
Кому мостами ѣздити?
Царю-государю.

(Если вмѣсто словъ: царю-государю, говорятъ: молодцу-удальцу, тогда прибавляютъ):

На чемъ ему ѣздити?
Таусенъ!
На сивенькой свинкѣ.
Таусенъ!
Чѣмъ погоняти?
Таусенъ!
Живымъ поросенкомъ.
Таусенъ!

(По окончаніи таусенъ, приговариваютъ):

Кишки да лепешки,
Свиныя ножки,
Въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли,
Въ кошель захотѣли.

(Терещенко, пр. с.).

б) святочныя.

6.

Слава Богу на небѣ,
Слава!

Петрушке камешку на [illegible]
Слава!
Чтобы камешку Петрушке [illegible]
Его [illegible] не [illegible]
Его добрымъ людямъ не [illegible]
Его старымъ старухамъ не [illegible]
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла;
Чтобы царева золотая казна
Была вѣкъ полнымъ полна;
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава неслась до моря,
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Старымъ людямъ на потѣшение,
Добрымъ людямъ на услышание.
Слава!

7.

Катилося зерно по бархату,
Еще ли то зерно бурмитское.
Прикатилося зерно ко яхонту.
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ.—
Хорошъ женихъ со невѣстою.
Идетъ кузнецъ изъ кузницы.
Шубенка на немъ куценькая:
Одна пола во сто рублей,
Другая пола во тысячу,
А всей то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
Цѣна ей у царя въ казнѣ,
У царя въ казнѣ, въ золотыхъ ларцахъ.

8.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.

Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать.

9.

Летитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой,
Слеталися, цѣловалися,
Сизыми крыльями обнималися, —
Ужъ и имъ добрые люди дивовалися,
Какъ соколъ съ голубушкой уживалися.

10.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку;
Не груздочекъ скачетъ, а боярскій сынъ,
Не бѣляночку ищетъ, а боярышню.

11.

Щука шла изъ Новгорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣлоозера;
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая;
Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена,
Какъ головка у щуки унизаная,
А на мѣсто глазъ дорогой алмазъ.

12.

Ахъ, ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги,
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Какъ нечаянные и незваные.
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ.

13.

Жемчужина окатная,
До чего тебѣ докатитися?
Пора тебѣ выкатитися
Князьямъ и боярамъ на шапочку.

14.

Покачу я колечко кругомъ города,
А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,
Я сама пойду, суженаго найду.

15.

Ласточка-касаточка,
Не вей гнѣзда во высокомъ терему;
Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не лѣтовати.

16.

Курочка-погребушечка!
Да греблася она на заваленкѣ,
Еще выгребла золотъ перстень,
Золотъ перстень о трехъ ставочкахъ,—
Да кому перстнемъ обручатися?
Обручатися отроку съ отрочицею,
Еще молодцу со дѣвицею.

17.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
А у богатаго мужика двѣ радости;
Что первая-то радость—сына женитъ,
Что другая-то радость—дочь замужъ отдаетъ.
Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
А за дочерью сундуки везутъ.

18.

Пойду, млада, къ вереюшкѣ,
Брякну, млада, во колечушко;
Какъ колечко скажется,
Такъ суженой откликнется.

19.

Сидитъ воробей на перегородѣ,
Глядитъ воробей на чужу сторону.

20.

За столомъ сижу,
Я на чашу гляжу,
Я пятернею вожу,
Золото кольцо ищу;
Я еще посижу,
Я еще повожу
И суженаго найду.

21.

Катилася одонья ржи,
Слава!
Кому прикатится, тому добро.
Слава!

(Сахаровъ).

22.

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребутъ жемчугъ лопатами.
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

23.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная!

Въ коей рукѣ былица!
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплѣсневѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

(Сахаровъ).

в) хороводныя.

24.

Ѣхали бояре изъ Новагорода,
Сѣкли рябинушку подъ самый корешокъ,
Кололи досочки тоненькія,
Дѣлали гусельцы звончистыя.
Кому эти гусельцы разыгрывати?
Играть ли, не играть ли Лукинушкѣ,
Тѣшить ли, не тѣшить ли Авдотьюшку?
Я тебя, Авдотьюшка, не силою бралъ,
Я у твоего батюшки сватался,
Я у твоей матушки кланялся.

(Шейнъ).

25.

Около города Казани
Молодой король гуляетъ,
Королевну выбираетъ:
Растворяйте ворота,
Ты войди, король, во городъ,
Подойди, король, поближе,
Поклонись, король, пониже,
Поцѣлуйся помилѣе;
Ты возьми ее за ручку,
Поведи ее съ собою,
Назови ее слугою.

(Шейнъ).

26.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидъ-ладо [1]), сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидъ-ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!

---

[1]) Ладо—богиня весны.

А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ-ладо, вытоптать, вытоптать!
А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидъ-ладо, выпустимъ, выпустимъ!
А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ-ладо, переймемъ, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ-ладо, перенять, перенять?
Шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой Дидъ-ладо, поводомъ, поводомъ.
А мы коней выкупимъ, выкупимъ!
Ой Дидъ-ладо, выкупимъ, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ-ладо, выкупить, выкупить?
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой Дидъ-ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой Дидъ-ладо, тысячи, тысячи!
А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ-ладо, надобно, надобно?
Намъ (то) надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ-ладо, дѣвицу, дѣвицу!
А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дидъ-ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ-ладо, прибыло, прибыло!

(Снегиревъ).

27.

Ай на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ, такъ!
Маки, маковочки,
Золотыя головочки!
Станьте вы въ рядъ,
Спросимте про макъ.

(Сахаровъ).

28.

Ужъ какъ звали молодца,
Позывали удальца
На игрищѣ поглядѣть,
На Ярылу посмотрѣть.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Одѣвался молодецъ,
Убирался удалецъ
Въ рудожелтъ кафтанъ,
Въ шапку мурмолку.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Выходилъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ,
Къ хороводу подходилъ,
Низко кланялся.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Какъ садился молодецъ
Противъ вдовы на конецъ,
Просилъ вдову погулять,
Его рѣчей послухать.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Не раба, сударь, твоя,
Я не слухаю тебя,
Не хочу съ тобою жить,
Не хочу тебѣ служить.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Какъ садился молодецъ
Противъ дѣвки на скамью:

Ужъ ты, дѣвушка-душа,
Ты послухай, другъ, меня!..
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Снималъ шапку съ головы,
Бросалъ дѣвкѣ подъ ноги:
Ты раба, дѣвка, моя,
Такъ послушай, другъ, меня!
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Я раба, сударь, твоя,
Я послушаю тебя,
Буду вмѣстѣ съ тобою жить,
Стану вѣкъ тебѣ служить.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

(Шейнъ).

27.

Ахъ, и по морю! ахъ, и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь (2),
Лебедь бѣлая со лебедушками,
Со малыми со дитятами,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши, лебедь встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася;
Плывши, лебедь вышла на берегъ,
Гдѣ ни взялся (2),
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Убилъ, ушибъ (2),
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю,
Онъ пухъ пустилъ (2),
Онъ пухъ пустилъ по-подъ небесью;

Сорилъ перья (2),
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась (2),
Красная дѣвица душа;
Брала перья (2),
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку (2),
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку (2),
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ (2),
Родну батюшкѣ на перинушку.
Гдѣ ни взялся (2),
Гдѣ ни взялся добрый молодецъ,
Богъ на помочь (2),
Богъ на помочь, красна дѣвица душа!
Она жъ ему (2),
Она жъ ему не поклонится.
Грозилъ парень (2),
Грозилъ парень красной дѣвицѣ:
Добро, дѣвка (2),
Добро, дѣвка, дѣвка красная!
Зашлю свата (2),
Зашлю свата, за себя возьму;
Будетъ время (2),
Будетъ время—и поклонишься мнѣ.

(Сахаровъ).

28.

Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли-пришли стары бабы,
Стары бабы старобразы.

Еще смѣть ли спросить старыхъ бабъ,
Еще что въ городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяный блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.
Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли-прошли молоды бабы,
Молоды бабы пригожія.
Еще смѣть ли спросить молодыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцевъ на полденьги,
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.
Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли-прошли добры молодцы,
Еще смѣть ли спросить добрыхъ молодцовъ,
Еще что въ городѣ вздешевѣло?
Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣвушки:
По сту рублей красна дѣвица,
А по тысячѣ дѣвицѣ на косицу.

(Сахаровъ).

29.

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ селезень.
Люли, люли, селезень!

Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Хохлатый селезень!
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.
Люли, люли, селезень!
По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ суденышко.
Люли, люли, селезень!
На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазнобушка.
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда,—
Измѣнила молода.
Люли, люли, селезень!

(Сахаровъ).

30.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды,
Ой люли, ой люли,
Стоитъ озеро воды!
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротичкамъ приводилъ,
Ой люли, ой люли,
Къ воротичкамъ приводилъ!
Къ верeюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ:
Ой люли, ой люли,
Красной дѣвкѣ приказалъ!

Красна дѣвица душа!
Сбереги добра коня,
    Ой люли, ой люли,
    Сбереги добра коня!
Сбереги добра коня,
(Коня) семитысячнаго,
    Ой люли, ой люли,
    (Коня) семитысячнаго!
Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила,
    Ой люли, ой люли,
    Не сломилъ бы удила!
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ,
    Ой люли, ой люли,
    Словно павушка плыветъ!
На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ,
    Ой люли, ой люли,
    Лента алая въ косѣ!
На головушкѣ перо
Хоть пятьсотъ рублей дано,
    Ой люли, ой люли
    Хоть пятьсотъ рублей дано!
Хоть пятьсотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно,
    Ой люли, ой люли,
    Стоитъ тысячи оно!

(Сахаровъ).

31.

По за городу
Царевъ сынъ (2),
(Одинъ ходитъ за хороводомъ)
Что ни царскій-етъ сынъ,
Воитель (2),

Выбиралъ себѣ невѣсту (2),
Распрекрасную королевну (2).
(Выбираетъ одну изъ дѣвушекъ)
Что не та ли моя невѣста (2)
Среди города стояла (2),
Золотымъ вѣнцомъ блистала (2),
Бриллiантами освѣщала.
Вы сѣкитеся ворота (2),
(Двое изъ стоящихъ въ хороводѣ разнимаютъ руки)
Покланяйтеся низенько (2),
Вы пожалуйте, княжна, праву ручку (2)!
(Кланяются всѣ).

(Шейнъ).

32.

Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,
Семь верстъ за Москвою,
За быстрой рѣкою:
Тамъ живетъ моя сестрица,
Тамъ живетъ моя родима,
Захотѣлось братцу
Къ сестрицѣ въ гости.
— Здорово, сестрица,
Здорово, родима!—
Не больно я здорова,—
Есть четыре горя,
Пятая кручина:
Напервое горе—
Свекоръ-то грозливый,
На другое горе—
Свекровь воркотлива,
На третье-то горе—
Деверекъ насмѣшникъ,

На четвертое горе—
Золовка смутьянка,
На пятое горе—
Мужъ жену не любитъ.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родима,
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.
Свекоръ-то грозливый
Скоро въ землю пойдетъ;
Свекровь воркотлива—
У ней добра много;
Деверекъ насмѣшникъ—
Самъ онъ въ люди пойдетъ;
Мужъ жену не любитъ,—
Другую не возьметъ,
Тебя поцѣлуетъ.—
Спасибо, мой братецъ,
На твоемъ разсудьи!
Разсудилъ, мой братецъ,
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.

(Шейнъ).

33.

Хмель, мой хмелюшко,
Хмелевое перушко,
Перевейся, мой хмелюшко,
На мою сторонушку:
На моей сторонушкѣ
Приволье великое,
Раздолье широкое;
По тому раздольицу
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Ходилъ пригорюнившись,

Ходилъ опечалившись.
Завидѣла матушка
Съ высокаго терема:
— Дитя мое милое,
Что ты угорюнилось,
Что ты опечалилось?
Женись, женись, дитятко,
Женись, женись, милое,
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну, боярыню!—
　　Сударыня, матушка,
　　Та мнѣ не жена будетъ,
　　Тебѣ не невѣстушка,
　　Въ полѣ не работница,
　　Въ домѣ не кукобница,
　　Гостямъ не привѣтница,
　　Ко мнѣ не привернется.
— Возьми жь, возьми, дитятко,
Въ (у) сосѣдушки дѣвушку.—
　　Та мнѣ женою будетъ,
　　А тебѣ невѣстушкой,
　　Во полѣ работница,
　　Во дому кукобница,
　　А гостямъ привѣтница,
　　И ко мнѣ привернется.

(Шейнъ).

34.

Родимая матушка!
Не женатъ хожу,
　　Ой люли, люли, люли,
　　Не женатъ хожу!
Не женатъ хожу,
Холостъ гуляю,
　　Ой люли и пр.

Поди, поди, молодецъ,
Въ хороводъ къ дѣвкамъ!
Ой люли и пр.
Бери, бери, молодецъ,
Самъ себѣ лучшую!
Ой люли и пр.
Самъ себѣ лучшую,
Дочь дворянскую!
Ой люли и пр.
Дочь дворянская
Низко кланялась,
Ой люли и пр.
Низко кланялась,
Мнѣ не нравилась.
Ой люли и пр.
Я тебѣ, молодецъ,
Въ полѣ не работница,
Ой люли и пр.
Твоимъ ручушкамъ
Не замѣнушка.
Ой люли и пр.

И вторая строфа поется такъ-же, только парень выбираетъ себѣ дочь купеческую; потомъ, въ третій разъ, выбираетъ себѣ дочь крестьянскую, которая и говоритъ:

Я тебѣ, молодецъ,
Въ полѣ работница,
Ой люли и пр.
Твоимъ ручушкамъ
Я замѣнушка.
Ой люли и пр.

(Шейнъ).

35.

Изъ лѣсика, лѣсу темнаго,
Изъ садика, саду зеленаго,

Тамъ шло-прошло два молодца,
Оба холосты, не женаты.
Они идучи думу думали,
Думу думали, рѣчь говорили,
Рѣчь говорили объ одной души (ѣ),
Объ одной души, красной дѣвушки (ѣ);
Пораздорились, разбранились (я).
Красная дѣвица выходила къ нимъ:
Вы не ссорьтесь, не бранитесь,
А по совѣсти разойдитесь,—
Я не обоимъ вамъ достануся:
Я достанусь либо бѣлому,
Либо бѣлому, бѣлъ-кудрявому,
Либо черному, чернобровому.
Доставалась я парню бравому,
Парню бравому и бѣлъ-кудрявому,
Брала его за рученьку,
Брала его за правую.
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ,
Самъ заплакалъ, про себя думу думалъ:
Безсчастна меня, молодца,
Матушка родила,
По что меня, молодца,
Красны дѣвушки не любятъ!

(Шейнъ).

г) весенния.

36.

Весна, весна красная!
Прійди, весна, съ радостію,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію:
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,

Съ хлѣбами обильными.
Уроди ленъ высокій,
Рожь, овесъ хорошій.

(Сахаровъ).

37.

Весна красна,
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.

(Снегиревъ).

38.

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ!

39.

Ты вставай-ка, молодецъ,
Ты вставай-ка, нашъ юнецъ!
Ты расчесывай кудри
Костянымъ гребешкомъ.
Ужъ ты взгляни въ окошко косящетое!
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ.
Награди-ка насъ подаркомъ,
Сладкимъ пряникомъ,
Бѣлымъ сахарнымъ.

(Терещенко).

Ой лелю, молодая, ой лелю!
Ты вьюная, о лелю!
Ты по горницѣ приди, о лелю!
Покажи свое лицо, о лелю!

Да въ окошечко, о лелю,
Покажи намъ молодца, о лелю!
Своего-то вьюнца, о лелю!
Да пожалуй-ко яичко, о лелю!
Еще красненькое, о лелю!
Что на красномъ блюдѣ, о лелю [1])!

(*Сахаровъ*).

40.

Во лузяхъ, лузяхъ,
Зеленыхъ лузяхъ!
Выростала трава шелковая,
Расцвѣтали цвѣты лазоревые,—
Понеслись духи малиновые.
Ужъ я въ той травѣ выкормлю коня,
Выкормлю, ужъ я выкормлю, и выглажу его.
Поведу я коня къ батюшкѣ:
Батюшка, ужъ ты, батюшка, родимый мой!
Ты прійми слово ласковое,
Ты прійми слово привѣтливое.
Не давай меня за стараго замужъ:
Старый мужъ не ровня мнѣ,
Со старымъ гулять я не пойду!

41.

Береза моя, березанька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березанька,
Осередь долинушки.

---

[1]) Двѣ пѣсни молодого парня и дѣвушки, составляющія остатки обряда „вьюнецъ“, выражавшагося въ хожденіи по улицѣ *съ вьюнитствомъ*, т. е. въ сопровожденіи молодыхъ парня и дѣвушки, при пѣніи этихъ пѣсень.— *Лель,* сынъ Лады, славянскій миѳологич. образъ, напоминающій амура и очаровывавшій сердца.

На тебѣ, березанька,
Трава шелковая.
Близъ тебя, березанька,
Красны дѣвушки
Семикъ поютъ.
Подъ тобою, березанька,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая березанька
Къ землѣ клонится,
Не шелкова травонька
Подъ ней растилается,
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются, —
Подъ этой березанькой,
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

42.

Какъ у насъ въ году три праздника:
Первой праздникъ семикъ честной,
Другой праздникъ Тройцынъ день,
А третій праздникъ купальница.
Какъ у насъ зелена трава,
Какъ милой мой другъ
Въ кабакѣ напивается,
Какъ милой мой другъ
По зеленой травѣ валяется.

43.

Благослови, тройца,
Богородица,
Намъ вѣнки завить,
Вѣнокъ сплести!
Ай, дидъ, ой, ладо!

Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать.
Ай, дидъ, ой, ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ;
Мы цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнокъ совьемъ.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ;
Свекру-батюшкѣ—малиновой,
Свекрови-матушкѣ—калиновой.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Пойду ль я пѣшкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ;
Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣчиньку.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Не тонетъ, не плыветъ
Съ сыра дуба вѣточка.
Не тужитъ по мнѣ
Свекорь батюшка,
Свекровь матушка.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Благослови, тройца,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти,
Вѣночекъ сoплести
Ой, дидъ, ой, ладо!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ;
Свекру-батюшкѣ—малиновой,
Свекрови-матушкѣ—калиновой.
Ой, дидъ, ой, ладо!
Пойду ль я пѣшкомъ,

Лужкомъ, бережкомъ;
Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣчиньку.
Ой, дидъ, ой, ладо!
Не тонетъ, не плыветъ,
Съ сыра дуба вѣточка.
Не тужитъ по мнѣ:
Ни свекоръ-батюшка,
Ни свекровь-матушка.—
Ой, дидъ, ой, ладо!

44.

Мы пойдемъ, дѣвочки,
Во луга гулять,
Ай люли, люли, во луга гулять!
Во луга гулять,
Вѣнки завивать,
Ай люли, люли, вѣнки завивать!
Мы завьемъ вѣночки
На всѣ красны денечки.
Ай люли, люли, на красны денечки!
Благослови Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти,
Вѣнокъ сплести,
Ай люли, люли, вѣнокъ сплести!

При завиваніи поютъ:

Благослови Тройца,
Богородица,
Намъ вѣнокъ сплести,
Ай люли, люли, намъ вѣнокъ сплести!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ,
Ай люли, люли, свекрови матушкѣ.

Свекру-батюшкѣ малиновый,
Свекрови-матушкѣ калиновый;
Ай люли, люли, калиновый!
А мнѣ молодой
Съ гибкаго вѣтійка,
Ай люли, люли, съ гибкаго вѣтійка!

45.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ!
Стоятъ шатры, стоятъ полотняные,
Во шатрахъ сидятъ князья, бояре,
За шатромъ гуляетъ гостининъ сынъ.
Онъ во гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачъ, не плачъ, дѣвушка,
Не плачъ, не плачъ, красная!
Сошью тебѣ, дѣвушка,
Шубку, юбку, тѣлогрѣйку;
Подарю монисты съ камнями,
Серьги со жемчугами.
Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ!
Стоятъ шатры, стоятъ полотняные,
Во шатрахъ сидятъ князья, бояре,
Во шатрахъ красна дѣвица гуляетъ.
Дѣвица рѣчи ведетъ
Къ гостинну молодцу:
Ненадобно, молодецъ,
Ни шубки, юбки, тѣлогрѣйку,
Ни монисты со камнями,
Ни серегъ съ жемчугами.
Пусти меня, молодецъ,
Съ дѣвицами гулять!

Тогда тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

д) свадебныя пѣсни.

46.

По послѣднему денечку
Нанесло тучу черную
Со громами со трескучими,
Съ молоньями со сверкучими
На батюшковъ на высокъ теремъ....
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Со храбрымъ своимъ поѣздомъ....
Гдѣ-то есть у молодешенькой
Соколъ братецъ родименькой,
Голубочикъ злато-крыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ—дорогой камень....

(Рыбниковъ).

47.

Родимый ты братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было ни пройти, ни проѣхати....

(Сахаровъ).

48.

....По послѣднему денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицы....
Ужь я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ....

Изъ-за озера за Онежскаго
Летятъ птицы заморскія...
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ,
Орелъ сталъ выговаривать...
Ты не трать-ко чиста серебра
И не порти красна золота,
По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненому,
Всему роду покореному,
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ....

(Рыбниковъ).

49.

Мнѣ ночесь-то мало спалось,
Да во снѣ много видѣлось.
Ужъ я видѣла, подруженьки,
Я гору высокую.
Среди горы крутыя
Лежитъ бѣлый горючъ камень,
На этомъ на камешкѣ
Сидитъ орелъ, птица острая,
Во когтяхъ держитъ лебедушку.
Подъ горой подъ высокою
Лѣса растутъ темные
И шипица колючая,
Да и крапива-то жгучая....
Во этомъ темномъ лѣсу,
Ходитъ медвѣдь со медвѣдицей.
Разсудите, подруженьки,
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?...
Эта гора-то высокая—
Чужа дальняя сторона;
Бѣлый-то камешекъ—
Чужой-то высокъ теремъ;
А орелъ, птица острая,—

Чужой это чужанинъ....
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку—
Да меня молодешеньку;
А лѣса-то растутъ темные—
Чужи люди незнакомые;
Что медвѣдь со медвѣдицей—
Богоданный-то батюшка
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая—
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая—
Богоданныя сестрицы.

(Терещенко).

50.

Свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу ведутъ;
А свекровь говоритъ:
Къ намъ людоѣдку ведутъ;
А деверья говорятъ:
Къ намъ неряху ведутъ;
А золовки говорятъ:
Къ намъ неряху ведутъ;
Двѣ тетушки сидятъ,
Все про тое-жь говорятъ.

51.

Матушка, что во полѣ пыльно?
Дидятко, кони разыгрались.
М., на дворъ гости ѣдутъ!
Д., не бойся, не выдамъ.
М., на крылечко гости идутъ!
Д., не бойся, и т. д.
М., въ нову горницу идутъ!
Д., не бойся, и т. д.

М., за дубовый столъ садятся! и т. д.
М., со стѣны образъ снимаютъ, и т. д.
М., меня благословляютъ!
Д., Господь Богъ съ тобою,
Свѣтъ мое милое, Господь Богъ съ тобою!

(Сахаровъ).

52.

Наѣхали разсказы-сваты большіе,
Выводили надежу свѣта-батюшка
На новы сѣни на рѣшетчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону вольну волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ родитель мой батюшка:
Эта волюшка во сто рублей,
Руса косынька во тысячу,
А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ....
Но лукавъ былъ злодѣй большій сватъ:
Онъ близешенько къ родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На то-ли мои родители окинулись,
Промѣняли мою вольную-то волюшку
Какъ на этое на сладко зелено вино....
Пропились да промоталися,
Прогуляли мою волюшку....

(Тутъ указывается на народный обычай скрѣплять заключенный торгъ распиваніемъ вина).

(Рыбниковъ).

53.

Государь мой батюшка,
Государыня матушка!

*

Вы когда меня пропили?
Вы тогда меня пропили,
Когда мать спородила,
Спородивши, въ колыбель положила,
Три раза колыхнула.
Первый разъ, божинька,
На чужую сторонушку,
А другой разъ, божинька,
Ко чужому батюшкѣ,
Третій разъ, божинька,
Ко чужой ко матушкѣ.

54.

Темно, темно на дворѣ,
Темнѣе того въ順 теремѣ.
Бояре (поѣздъ жениха) ворота облегли,
Торгуютъ, торгуютъ Дуняшу.
— Торгуйся, торгуйся, братецъ,
Не отдавай меня дешево.
Проси за меня сто рублей,
За мою косыньку тысячу,
За мою красоту смѣты нѣтъ.

(Терещенко).

55.

Братецъ, постарайся,
Братецъ, поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.
Брату мила сестра,
А золото милѣе....

(Терещенко).

е) бытовыя.

56.

Не вода ль меня поняла?
Не горы ль меня облегли?...

Поняли меня да горючи слезы....
Облегла меня тоска кручинушка....
. . . .
Это что у насъ были за люди?
Что за гости торговые?...
Торговалъ мнѣ родный батюшко
Мнѣ шубу да соболиную —
Сторговалъ мнѣ родимый батюшко
Чужу дальню сторонушку.
Торговала мнѣ родима матушка
Мнѣ серьги жемчужныя—
Сторговала мнѣ родима матушка
На чужой-то дальней сторонушкѣ
Великое да послушаньице.

57.

Вечоръ были да сваты свататься;
У нихъ поклоны-то низкіе,
Слова-то у нихъ ласковыя,
Рѣчи-то у нихъ привѣтливыя....
Они ходятъ, да все хвастаютъ:
Какъ чужа-то дальня сторонушка
На горѣ стоитъ да на высокоей ...
Не встаютъ у насъ да по утру рано,
Не ходятъ у насъ да на работушку!...
Не сдавайся ты, милая племянница,
На ихни-то умы разумы!
Слова-то ласковыя обманчивы,
Поклоны-то низкіе переманчивы....
Какъ чужа-то дальня сторонушка
Въ темномъ лѣсу да во раменьѣ....
Какъ чужа-то дальня сторонушка
Не пшеной да изусѣяна—
Тоской кручинушкой изусѣяна,
Горючьими слезами исполевана,

Она печалью да огорожена,
Кручинушкой изувязана....

58.

У свово-то родима батюшка,
У своей-то родимой матушки
Я чесала васъ, русы волосы,
Середи-то полу дубоваго;
Я мочила васъ, русы волосы,
Ключевой водой холодною;
Я сушила васъ, русы волосы,
На крутомъ красномъ крылечикѣ
Я сходимымъ (всходимымъ) краснымъ солнышкомъ.
На чужой-то дальней сторонушкѣ,
Я у свекра у батюшки,
Я у свекрови у матушки,
Чесать стану васъ, русы волосы,
Во кутѣ (въ углу) да за занавѣсой;
Мочить стану васъ, русы волосы,
Я своими да горючими слезами;
А сушить стану васъ, русы волосы,
Я своей тоской да кручинушкой.
И запрутъ васъ, русы волосы,
На тридцать три замка,
На тридцать три ключа, —
И бросятъ эти ключики
Во сине море Хвалынское.
Сохватаетъ эти ключики
Рыба, да рыба бѣлая....

(Поется при расплетанiи косы).

59.

Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу, къ матери,

Ко чужому роду племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
Носи платьице, не снашивай,
Терпи горюшко, не сказывай....
Ты во темную во ноченьку
Выходи, моя подруженька,
На высокое крылечушко,
Ты высказывай обидушку
На широку гладку уличку,—
Разнесутъ твою обидушку
Часты-буйные вѣтерки.

(Рыбниковъ).

60.

Заплетите-ка
Вы, любимыя
Мои подруженьки,
Русу косу мелехонько.
Посреди-та русой косы
Заплетите шелковъ косникъ,
Алу ленточку;
А поконецъ-то русой косы—
Саблю вострую:
Чтобъ проѣзжія свахоньки
Руки перерѣзали.

(Терещенко).

61.

(къ свату и свахѣ).

Да тебѣ, свату большему,
Да тебѣ, измѣнщику дѣвичьему,
Да Акиму Степановичу!
На ступень ступить—ногу сломить,
На другой ступить—другу сломить,

На третьей—голову свернуть!
Того мало свату большему,
Да измѣнщику дѣвичьему!
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полушубками,
Подъ четырьмя тулупами:
Да трясло бы тя, повытрясло!
Да сквозь печь провалитися,
Во мясныхъ щахъ свaритися!...

(Якушкинъ).

62.

Государь ты мой батюшка,
Ты возьми свата за воротъ,
Поведи свата за двери,
Повали его на дровни,
Да повези его на поле.
Ты подай свату борону,
Чтобъ расчесалъ буйну голову...
Еще дай, Боже, сватушку
Ему за эту за выслугу,
Ему сорокъ бы сыновей,
Да пятьдесятъ ему дочерей,—
Сыновей бы не женивать,
Дочерей не выдавывать.

(Терещенко).

63.

Не кладу я судьбы жалобы
На родителя батюшка,
На сударыню матушку;
Я кладу судьбу-жалобу
Что на сватью на большую,
На лукавую, вилявую,
На змѣю семиглавую,

Семиглавую, семихвостую:
Чтобъ тебѣ, сватьюшка,
Сыновей бы тѣ разбойниковъ,
Дочерей посидѣлочекъ!

(Якушкинъ).

64.

Ты злодѣйка наша, сватовщица,
Лиходѣйка-обманщица!...
Умереть бы тебѣ, сватовщица,
На печи, въ углу, подъ шубою....
Мы схоронимъ тебя, сватовщица,
Мы въ темный лѣсъ во раменье,
Мы подъ горькую осинушку....

65.

Ты пожалуй-ка, мила подруженька,
Со кумушками да со подружками
Помыться да попариться...
Изукрашена тепла паруша (баня)
Все цвѣточками алинькими....
Огорожена путь-дороженька
Она бѣлой березонькой....
У дымнаго-то баннаго окошечка
У насъ поставлены да караульщички...
Ты пожалуй же, мила подруженька,
Со кумушками да со подружками
Помыться да попариться!
Ужъ ты смой съ лица горючи слезы,
Съ тепла сердца—тоску кручинушку!
—Вы подруженьки-голубушки!
Не обманете ли меня вы, молодешеньку,
Со теплой-то вы со парушей?
Не сомью ли (не смою ли) свою дивью красоту?
—Ты не бойся, мила подруженька!

Не сомьешь ты свою дивью красоту.
Какъ полетитъ твоя дивья красота
Дымнымъ баннымъ окошечкомъ,
Со дымами да со кудрявыми,
Со парами да со медвяными;
Тутъ поймаютъ твою дивью красоту
Что твои-то братцы милые;
Принесутъ твою дивью красоту
Во батышковъ да во высокій теремъ.

Пѣсня эта поется въ Пермской губерніи. Слово красота на мѣстномъ нарѣчіи, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, имѣетъ другое—значеніе ленты, какъ дѣвичьяго украшенія. Караульщиками у баннаго окна становятся обыкновенно братья невѣсты; они выкарауливаютъ красоту, т. е. ждутъ, чтобы имъ выбросили за окно ленту.

66.

Любимая моя подруженька,
Куда мнѣ свою красотушку
Дѣвать будетъ?
Мнѣ въ лѣса ее пустить?—
Она заплутается.
Во луга пустить?
Загуляется.
Въ быстру рѣку пустить?
Запутается.
Я пущу свою красотушку
На любимую подруженьку....
Тутъ моя красотушка
Укроется,
Нѣгушка унѣжится.
Есть у ней родимая матушка
И родимый батюшка,
Есть братцы, ясны соколы,
Лебедушки невѣстушки.

(Терещенко).

67.

....Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку;
Я снесу бажону мою волюшку
На остудушку чужую на сторонушку,
Я поглядывать стану на свою вольную волюшку;
Я кладу въ оковану коробеечку,
Какъ отомкну оковану коробеечку,
Погляжу на свою вольную волюшку,—
Будто я красна дѣвушка,—
Разгоню свою великую обидушку.

(Рыбниковъ).

68.

....Спущу я свою вольную волюшку
Подъ небеса подъ высокія,
Ко красну солнышку въ бесѣдушку,
Къ ясному мѣсяцу во думушку,
Ко зарямъ на свиданьице.
Ко звѣздамъ на разселеньицо.
Пускай воля наволюется,
Пускай красна наликуется,
Улетитъ вольная волюшка
Со младой со головушки.

(Рыбниковъ).

69.

Ужъ ты взвейся, красота моя,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
И ударься о сыру землю,—
Расшибись ты, красота моя,
Что по макову по зернышку,
Чтобы вышла моя матушка,
Подобрала бы поскорѣй тебя

И посѣяла бъ во своемъ саду,
Поливала бы не рѣчной водой,
А своею слезой горькою.

70.

Поить кормить есть кому,
А благословить молодой некому:
Нѣтъ кормильца свѣта батюшка,
Нѣтъ родителя матушки.
Поджидай мое солнышко, братецъ родименькій,
Со Никольской дубровушки
Кормильца свѣта батюшка.
Посулился родный батюшко,
При скорой смеретушкѣ,
При послѣднемъ часу времени,
На крѣпкое рукобитьице,
На послѣднее прощаньице,
На вѣковое благословеньице.

(Рыбниковъ).

71.

Охъ вы, братцы, ясны сокола!
Вы сходите во Божью церковь,
Вы ударьте трижды въ колоколъ!
Разступися, мать сыра земля!
Ты откройся, гробова доска!
Развернися, золота парча!
Ты возстань, родитель батюшка!
Дай прощеньице съ благословеньицемъ....
Отвезутъ меня братцы родимые.
Благослови, родитель батюшка!

(Рыбниковъ).

72.

Сходилися да тучи грозныя
Со всѣ да со четыре стороны—

Со полуденну, сѣверну, восточну, западну.
Всѣ тучи прокатилися,
Одна туча да воротилася,
Воротилася да становилася
Надъ матушкой да надъ сырой землей.
Ужъ вы граньте-ка, громы грозные,
Просвѣтися, молонья палючая!...
Ужъ вы граньте-ко, громы грозные,
Расколите-ко мать сыру землю,
Мать сыру землю да гробову доску!
Ужъ вы ляньте-ко, дожди частые,
Вы размойте-ко желты пески!
Ужъ вы дуньте-ко, вѣтры буйные,
Вы сдуйте-ко золоту парчу!
Развернись-ко ты, золота парча,
Распечатайтесь цеты сахарные,
Разожмитесь-ко очи ясныя,
Разожмитесь-ко ручки бѣлыя
Отъ сердца же отъ ретиваго,
Отъ желанья же да отъ великаго!
Ты возстань-ко, родимый батюшко,
На свои-то да рѣзвы ноженьки!
Ты сходи-ко на быстру рѣку,
Ты сядь-ко на горючь камень!
Ужъ ты смой-ко съ лица ржавчину,
Со бѣла лица да горючи слезы,
Съ ретива сердца тоску кручинушку!
Ты сходи-ко, родимой батюшко,
Въ Божью церковь помолитися.
За меня за горегорькую,
За дѣтю да безотцею....

73.

Выбирай, мое дитятко,
Выбирай, мое милое,

Изъ гостей незнакомыхъ знакомаго,
Изъ молодыхъ молодого наряднаго;
Ужь какъ съ тѣмъ ли тебѣ гостемъ вѣкъ вѣковать,
Вѣкъ вѣковать, и меня забывать.
Ужь какъ выбрала Марьюшка, и т. д.
Ужь и я ли съ нимъ, матушка,
Съ нимъ вѣковать буду,
А тебя, матушка, не позабуду.

(*Сахаровъ*).

74.

Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты свѣти во всю ноченьку....
Во весь путь, во всю дороженьку
Свѣтилъ бы моему суженому,
Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ назадъ не воротился....
Безъ него-то мнѣ тошнехонько,
Безъ него-то мнѣ грустнехонько.

(*Сахаровъ*).

75.

Прилетѣли вольныя пташечки
Изъ-за моря, моря синяго;
Перепархиваютъ пташечки
По чисту полю, по кустарникамъ:
Всѣ любуются по парочкѣ.
Только добрый молодецъ Александрушка,
Во свѣтѣ бѣломъ сиротинушка,
Онъ тоскуетъ, какъ горькая кукушечка....
Безпріютная головушка!
Никто къ дѣтинушкѣ бѣдному,
Никто въ свѣтѣ не припатнется;
Словомъ ласковымъ привѣтливымъ

Никто сиротинушку не радуетъ....
Вянетъ, сохнетъ въ одиночествѣ,
Будто травка среди поля дикаго.
Не милъ молодцу и Божій свѣтъ!
Одна Дуняша сжалилась
Надъ бѣдняжкой, сиротинушкой;
Приласкала, приголубила
Безпріютную головушку....

(Терещенко).

76.

Вы раздайтеся, бояре,
Разступитеся, дворяне!
Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
Не большимъ даромъ—теремомъ.
Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
Вѣдь большимъ—женихомъ,
Вѣковымъ дружкомъ Лукой,
Вѣковымъ дружкомъ Ивановичемъ.

(Терещенко).

77.

Мой милый другъ, мой суженый....
Онъ глазкомъ мигнетъ—
Вся печаль моя пройдетъ....
А душой какъ назоветъ—
Въ сердце радость изольетъ.

(Сахаровъ).

78.

Ко мнѣ ласточка прилетала,
Ко мнѣ вѣсточку приносила:
Къ тебѣ будетъ дорогой гость,
Дорогой гость батюшка.
—Пускай онъ будетъ,

А моей тоски не убудетъ.
Къ тебѣ будетъ не милый гость,
Не милый гость, твой суженый!
—Пускай онъ будетъ, и моя тоска вся убудетъ.

(Сахаровъ).

79.

Молода наша боярыня по сѣничкамъ гуляла,
Она пялички во рученькахъ держала;
Во пяличкахъ впяленъ алый бархатъ.
Шила—вышивала боярыня три узора:
Первый-то узоръ вышивала—
Утряную зарю съ бѣлымъ свѣтомъ;
Другой-отъ узоръ вышивала—
Свѣтелъ младой мѣсяцъ со звѣздами;
Третій-отъ узоръ вышивала—
Красное солнце со лучами.
Утреняя заря съ бѣлымъ свѣтомъ—
То совѣтъ и любовь со женою,
Великая любовь съ душею;
Свѣтелъ младой мѣсяцъ со звѣздами—
То (имя свекра) съ сыновьями,
Свѣтъ (отечесто свекра) съ соколами;
Красное солнце съ лучами—
То (имя свекрови) съ дочерями,
Свѣтъ (отечество свекрови) съ лебедями.

80.

„Мнѣ ночесь, молодешенькѣ, мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Ужъ кабы у насъ, середи двора....
Выросло деревцо кипаристое,
Что другое-то деревцо сахарное,
На деревѣ вѣточки золотыя,
Золотыя вѣточки, серебряныя....“

Спроговорилъ хозяинъ, господинъ:
„Я тебѣ, душечка, сонъ разскажу....
Кипаристое деревцо—я у тебя,
Сахарно деревцо—ты у меня;
На деревѣ вѣточки—дѣти у насъ,
Дѣти у насъ, дѣти милыя....

81.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
„Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ, и новъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать."

(Сахаровъ).

ж) дѣтскія пѣсни.

82.

Котинька—котокъ,
Котя, сѣренькій хвостокъ,
Приди, котикъ, ночевать,
Мово Лешиньку качать,
Прибаюкивати!
Я тебѣ, коту,
За работу заплачу:
Бѣленькій платочикъ
На шею навяжу,
А другой, голубой,
Въ ручки подарю.
А еще тебѣ, коту,
За работу заплачу:

Въ Великій Постъ
Рѣдьки хвостъ,
Склянку вина
И конецъ пирога.

(Шейнъ).

83.

По горамъ, горамъ
По высокіимъ,
По раздольицамъ
По широкіимъ,
Тутъ огни горятъ
Не гасимые,
Злы татарове
Тутъ полонъ дѣлятъ.
Доставалася
Теща зятю въ плѣнъ;
Онъ отвезъ ее
Къ молодой женѣ.
„Ахъ и вотъ тебѣ,
Молода жена,
Полоняночка
Съ Руси русская!
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлать:
Что и первое—
То дитя качать,
А другое то—
Тонкій кужель прясть,
Что и третіе—
То цыплятъ пасти.“—
„Ты баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой татарченокъ,

Ты по матушкѣ
Милъ внученокъ:
Вѣдь твоя то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика.
Ты баю, баю,
Мое дитятко!“
Какъ услышала
Тутъ татарочка,
Она кинулась,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
„Ахъ, родимая
Моя матушка!
Выбирай себѣ
Коня лучшаго:
Мы бѣжимъ съ тобой
На святую Русь,
На святую Русь,
Нашу родину!“

(Сахаровъ).

84.

Спи, усни, мое дитятко!
Покуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ наносная,

Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка поляночка (полоняночка),
Твой батюшка поляночикъ.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Злы татарове набѣгали,
Домы, теремы сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Разлучили тебя, дитятко,
Съ родимой-ли матушкой.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего-ли батюшку родимаго.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ты расти, расти, дитятко,
Въ крѣпости и младости.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ужъ у тебя ли на дворѣ
(Со)стоитъ теремъ одинехонекъ
Безъ батюшки и матушки;
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Безъ твоей молодой жены.
Ты сѣдлай коня воронаго,

Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Ты скачи въ Орду Золотую,
Вывози батюшку роднова
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
На святую-ли Русь;
Вывози матушку родиму
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
На широкой ли дворъ;
Вывози молоду жену
Въ теремъ изукрашенный.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

(Сахаровъ).

85.

Богъ тебѣ далъ,
Христосъ даровалъ,
Пресвятая Похвала
Въ окошечко подала,
Иваномъ назвала.
Нате-тко,
Да примите-тко!
Ужъ вы, нянюшки,
Ужъ вы, мамушки!
Водитеся, не лѣнитеся,
Старыя старушки
Укачивайте,
Красныя дѣвицы
Убаюкивайте!
Спи съ Богомъ, со Христомъ,
Спи со ангелами,
Спи, дитя, до утра,

До солнышка!
Будетъ пора,
Мы разбудимъ тебя;
Сонъ ходитъ по лавкѣ,
Дремота по избѣ;
Сонъ говоритъ:
Я дремати хочу.
По полу, по лавочкамъ
Похаживаютъ,
Ванюшкѣ въ зыбочку
Заглядываютъ,
Спать укладываютъ.

(Шейнъ).

86.

Скокъ, поскокъ,
Молодой дроздокъ,
По водичку пошелъ,
Молодичку нашелъ,
Молодиченька
Не величенька,
Сама съ вершокъ,
Голова съ горшокъ.
Шу! (вы) полетѣли,
На головушку сѣли.

(Шейнъ).

87.

Донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся кошкинъ домъ:
Бѣжитъ курица съ ведромъ
Заливать кошкинъ домъ.

(Шейнъ).

88.

Сорока, сорока,
Гдѣ была? Далеко.

На порогъ скакала,
Гостей созывала:
Гости не бывали.
Каша пригорѣла.

Потомъ, указывая на каждый палецъ руки, начиная съ большого, приговариваютъ:

И этому дала,
И этому дала, и пр.

И, останавливаясь на мизинцѣ, добавляютъ:

А ты, малъ-малешенекъ,
За водицей не ходилъ,
Дровъ не носилъ,
Кашки не варилъ.
Шу! полетѣли,
На головушку сѣли.

(Шейнъ).

89.

Ладушки, ладушки,
Гдѣ были? У бабушки.
Что ѣли? Кашку.
Что пили? Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька.
Шу! полетѣли.

(Шейнъ).

90.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый подожокъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
Отъ моря до моря
До Кіева города,—
Тамъ моя родина.

На родинѣ дубъ стоитъ,
На дубу сова сидитъ.
Сова-то мнѣ теща,
Воробушекъ шуринъ.
Васька Батуринъ
На грамотку пишетъ,
На дѣвушку дышетъ.
Дѣвица, дѣвица,
Сходи по водицу.
Я волка боюсь,—
Волкъ на болотѣ,
Коза на работѣ.

з) элегическія пѣсни.

91.

Какъ у ключика у гремучева,
У колодезя у студенова,
Добрый молодецъ самъ коня поилъ,
Красна дѣвица воду черпала;
Почерпнувъ воды, поставила;
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
Хорошо тому жить на семъ свѣтѣ,
У кого есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, и братъ-сестра,
Ахъ, и братъ-сестра, что и родъ-племя.
У меня ль, у красной дѣвицы,
Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду-племени,
Ни того ли мила друга.

(Сахаровъ).

92.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Ни стыда въ глазахъ, ни совѣсти,
Никакой нѣтъ заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
У меня ли, у молодешеньки,
Есть и горе и заботушка,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка:
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Зазнобивши, онъ повысушилъ.
Я сама дружка повысушу,
Я не зельями, ни кореньями,
Я своими горючими слезми:
И ты кань, кань, горюча слеза,
Къ милу дружку на бѣлую грудь,
На бѣлую грудь, въ ретиво сердце!

(Шейнъ).

93.

Долина ль ты моя, долинушка,
Долина ль ты моя широкая!
На той ли на долинѣ
Выростала калина;
На той ли на калинѣ
Кукушка куковала:
Ты объ чемъ, моя кукушечка,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь?
Ужъ и какъ же мнѣ, кукушечки(ѣ),
Какъ не куковати?
Ужъ и какъ же мнѣ, горемычной,
Какъ не горевати?

Одинъ былъ зеленый садъ,—
И тотъ засыхаетъ,
Одинъ былъ у меня милый другъ,—
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня, младешеньку,
Одное меня покидаетъ.

(Шейнъ).

94.

Не соколъ летитъ по поднебесью,
Не соколъ ронитъ сизы перушки,
Скачетъ молодецъ по дороженьки,
Горьки слезы льетъ изъ ясныхъ очей:
Распрощался онъ съ своей родиной,
Со сторонушкой понизовою,
Гдѣ течетъ въ красѣ Волга матушка;
Распрощался онъ съ красной дѣвицей;
Онъ оставилъ ей на поминъ себѣ
Дорогой перстень со алмазами,
На обмѣнъ же взялъ отъ красавицы
Золото кольцо обручальное,—
При размѣнѣ самъ приговаривалъ:
Не забудь меня, моя милая,
Не забудь меня, задушевный другъ,
Чаще взглядывай ты на перстень мой,
Чаще стану я цѣловать кольцо,
Къ ретиву сердцу прижимаючи,
Объ тебѣ, мой другъ, вспоминаючи.
Коль помыслю я о другой любви,—
Золото кольцо распаяется,
Если ты съ другимъ подъ вѣнецъ пойдешь,—
Камень выпадетъ вонъ изъ перстеня.

(Шейнъ).

95.

Ахъ, вы вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные вѣтры осенніе!
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Отнесите вы къ другу вѣсточку,
Что не радостную вѣсть, печальную:
Какъ вечоръ-то молодешенькѣ
Мнѣ мало спалось, много видѣлось,
Нехорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня, у младешеньки,
На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Посплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милова,
Свѣтъ дородна добра молодца.

(Сахаровъ).

96.

Не сиди, дѣвушка, поздно вечеромъ,
Ты не жги, не жги восковой свѣчи,
Восковой свѣчи воску ярова!
Ты не жди, не жди дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милова!
Я не гость пришелъ, не гоститися,
Пришелъ (я) къ дѣвушкѣ доложитеся,
Всѣмъ подарочкомъ размѣнятися:
Ты возьми, возьми свой тальянскій платъ.
Ты отдай, отдай (мое) золото кольцо!
Тебѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить,
А мнѣ этимъ кольцомъ обручатися.

Позволь, милая, мнѣ женитися!
Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
Во слезахъ дѣвица слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говорила:
Ты женись, женись, разбезсовѣстный!
Ты не будь, миленькій, насмѣхателемъ,
Красной дѣвицѣ поносителемъ.

(Шейнъ).

97.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать?
Пойду отъ горя въ темный лѣсъ—
За мной горе съ топоромъ бѣжитъ:
Срублю-срублю сыры дубы,
Сыщу-найду красну дѣвицу;
Бѣгу отъ горя въ чисто поле—
За мной горе съ косой бѣжитъ:
Скошу-скошу чисто поле,
Сыщу-найду красну дѣвицу.
Куда жъ мнѣ отъ горя бѣжать?
Я отъ горя брошусь въ сине море—
За мной горе бѣлой рыбицей:
Выпью-выпью сине море,
Сыщу-найду красну дѣвицу.
Я отъ горя замужъ уйду—
За мной горе въ приданое;
Я отъ горя въ постелюшку слегла—
У меня горе въ головахъ сидитъ;
Я отъ горя въ сыру землю пошла—
За мной горе съ лопатой идетъ;
Стоитъ горе—выхваляется:
Вогнало-вогнало я дѣвицу въ сыру землю!

(Шейнъ).

98.

Какъ у доброва молодца зеленъ садикъ.
Посѣялъ добрый молодецъ цвѣточки,
Посѣявши цвѣточки, самъ заплакалъ:
Ахъ, и свѣтъ мои лазоревы цвѣточки!
Кому-то васъ, цвѣточки, поливати,
Отъ лютыхъ отъ морозовъ сохраняти?
Отецъ и мать у молодца староньки;
Одна была родима сестрица,
И та пошла на Дунай рѣку за водицей.
Во Дунай ли рѣкѣ она потонула?
Въ темномъ ли лѣсу заблудилась?
Сѣрые ль ее волки разорвали?
Аль злы татары ее полонили?
Кабы она въ Дунай рѣкѣ потонула,
Дунай рѣка съ пескомъ возмутилась;
Кабы ее сѣры волки разорвали,
Косточки бы по чисту полю разметали;
Кабы ее татары полонили,
Ужъ бы мнѣ, добру молодцу, вѣсточка была.

(Сахаровъ).

99.

...Какъ братецъ къ братцу въ гости приходилъ:
Родимый ты мой братецъ, пожалуй ты мнѣ коня,
Пожалуй ты мнѣ коня съѣздить до села!—
Родимый ты мой братецъ, бери безъ проша,
Бери безъ проша, ступай, куды хошь!—
Родимый мой братецъ, поѣдемъ со мной,
Сватать за меня, другую за тебя!

(Шейнъ).

100.

Что на горѣ-то дубъ стоитъ,
Онъ безъ вѣтра мотается,

Безъ дождя увивается.
Много, много у сыра дуба,
Много вѣтвей и повѣтей,
Много листу зеленаго.
Только нѣтъ у сыра дуба,
Золотой нѣтъ вершиночки,
Позолоченой маковки,—
Что теперь было надобно,
Что къ этому то времячку,
Что къ лѣту ко красному,
Ко веснѣ ко разливной.
Много, много у дѣвушки,
Много ближнихъ пріятелей,
Только нѣту у дѣвушки,
Нѣту родителя-матушки, —
Что теперь было надобно,
Что ко этому ко времячку,
Ко благословенію великому.
Снарядить младу есть кому,
Благословить младу некому:
Благословляютъ чужи люди,
Чужи люди, посторонные,
Всѣ сосѣды нарядовые.

101.

Грустно сердечку, нудно бѣдному!
Ахъ, знобитъ его да невзгодушка:
Отца-батюшки приказаньице,
Родной матушки повелѣньице.
Куда ни брошусь я, куда ни взгляну я,
Ахъ! вездѣ тоска неусыпучая,
Вездѣ невзгодушка неминучая.
Оглянуся я на далекій лѣсъ:
Во сосновенькомъ да темнешенько,—

А въ груди моей еще темнѣй.
Оглянуся я на широкій дворъ:
Ахъ! на дворикѣ да грустнехонько,—
А на сердцѣ мнѣ еще грустнѣй.

и) пѣсни про семейную жизнь.

102.

Отдаютъ мя молоду на чужую сторону,
На чужую сторону, въ небольшую семью:
Только свекоръ да свекруха, да четыре деверья,
Да четыре деверья, двѣ золовушки,
Двѣ золовушки, да двѣ тетушки,
Да двѣ тетушки, двѣ голубушки.
А какъ свекоръ говоритъ: „людоѣдицу ведутъ",
А свекруха говоритъ: „къ намъ медвѣдицу ведутъ",
А деверья говорятъ: „къ намъ неряху ведутъ",
А золовки говорятъ: „къ намъ непряху ведутъ",
А тетушки говорятъ: „къ намъ разлучницу ведутъ".
Ужъ я ли, молода, очень бойка была,
Очень бойка была, всѣмъ отвѣтъ отдала:
—Сударь-батюшко, ты позволь-ка мнѣ
—Вдоль по горенкѣ пройти, словцо выговорить,
—Словцо выговорить, словцо вымолвить.
—Во темномъ-то лѣсу—тамъ медвѣдицы живутъ,
—Во сыромъ-то бору—людоѣдицы живутъ;
—А деверья-соколы,—у васъ жены таковы;
— Золовушки-голубушки, вамъ самимъ замужъ итти;
—А тетушекъ-голубушекъ поставимъ на порогъ,
—Мы поставимъ на порогъ, да укажемъ семь дорогъ,
—Да въ притолочку, да въ выволочку!

(Рыбниковъ).

103.

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Свекоръ-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

ХОРЪ.

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
—Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!—

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Свекровь-матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

ХОРЪ.

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
—Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Милъ-любезный по сѣничкамъ похаживаетъ,
Легохонько, тихохонько поговариваетъ:

ХОРЪ.

—Спи, спи, спи, ты моя умница!
Спи, спи, спи, ты разумница!
Загонена, забронена, рано выдадена.

(Шейнъ).

104.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали!
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила;
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле.
И я батюшки (ѣ) говорила:
„Не давай меня, батюшка, замужъ,
„Не давай, государь, за неровню;
„Не мечись на большое богатство,
„Не гляди на высоки хоромы:
„Не съ хоромами жить—съ человѣкомъ,
„Не съ богатствомъ жить мнѣ—съ свѣтомъ".
Я по сѣнямъ шла, я по новымъ шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтобъ моя шубка не прошумѣла,
Чтобъ мои пуговки не прозвякнули,—
Не услышалъ бы свекоръ-батюшко,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну—моему мужу.

(Сахаровъ).

105.

Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала
На чужедальнюю на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтра сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ.
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемычной пташечкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,

Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невѣстушки, голубки мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большая невѣстка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстка проситъ погодить;
Родная сестрица, залившись слезами,
Молвила: не наша-ль горюша сюда
Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

(Сахаровъ).

i) причитанье «по покойнику».

106.

Со восточной со сторонушки
Подымались да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Съ молоньями да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкову на могилушку...
Расшиби-ко ты, громова стрѣла,
Еще матушку, да мать-сыру землю!
Развались-ко-ся ты, мать-земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Скройся-ко да гробова доска,
Распахнитеся да бѣлы саваны.
Отвалитеся да ручки бѣлыя
Отъ ретиваго отъ сердечушка,
Разожмитеся да уста сахарныя!
Обернись-ко-ся, да мой родимой батюшко,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ты слетай-ко-ся да на сине море,

На сине море на Хвалынское;
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-ётъ да на высокъ теремъ,
Все подъ кутнее да подъ окошечко—
Ты послушай-ко, родимой батюшко,
Горегорькихъ нашихъ пѣсенокъ.

(Пермск. Сборн.).

к) удалыя пѣсни.

107.

Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
—Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть,—
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ;
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

(Сахаровъ).

108.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ сиця моря,
Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,

Курится огонекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковый коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ-добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горючую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ-добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу;
Отвезу я добра молодца на родну сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду-племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалого его крѣпка грудь,
Опустились у молодца бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Полилась ручьемъ кровь горячая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ, ты конь, мой конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратнемъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое:
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

109.

За славной за рѣченькой Утвою,
По горамъ было Утвинскимъ,
По раздольицамъ по широкiимъ,
Распахана была пашенка яровая;
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою,

А вострыми мурзавецкими копьями;
Не бороною была пашенка взборонована,
А коневыми рѣзвыми ногами;
Не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
А посѣяна была пашенка яровая
Казачьими буйными головами;
Не поливой она всполивана,
Не осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
Всполивана была пашенка
Казачьими горючими слезами.

(Сахаровъ).

110.

Не травушка, не кавылушка въ полѣ шаталася,
Какъ шатался, волочился удалъ добрый молодецъ
Въ одной тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ,
Что во той-то было во кармазинной черкесочкѣ;
У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
И камчатны его полочки назадъ застегнуты,
Бусурманскою онѣ кровiю позабрызганы.
Онъ идетъ, удалъ добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючей онъ слезою обливается,
Онъ тугимъ то своимъ лукомъ опирается,—
Позолотушка съ туга лука долой летитъ.
Какъ никто-то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается,—
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родна матушка:
„Ахъ, ты, чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься?
До сырой-то до земли все приклоняешься,
И за травушку, за кавылушку все хватаешься?"
Какъ взговоритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
—Я не самъ такъ, добрый молодецъ, напиваюся,
Напоилъ-то меня турецкой царь тремя пойлами,
Что тремя-то было пойлами, тремя розными:
Какъ и первое-то его пойло—сабля острая,

А другое его пойло—копье мѣткое было,
Его третье-то пойло—пуля свинчатая.

(Сахаровъ).

111.

Ты, безчастный, добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка,
Что ни въ чемъ то мнѣ, братцы, талану нѣтъ.
Ни въ торгу братцы, ни въ товарищахъ,—
Что ссылаютъ меня съ корабля долой!
—Ты сойди, сойди съ корабля долой!
—Отъ тебя ли, отъ безсчастнова,
—Сине море взволновалося,
—(Всѣ) волны въ морѣ разыгралися!—
Ужъ какъ возговоритъ безчастной молодецъ:
„Мы пригрянемте всѣ въ веселочки,
„Мы причалимте ко бережку,
„Ко частому кусту ракитову,
„И мы срѣжемте по прутику,
„И мы сдѣлаемте по жеребью,
„Ужъ мы кинемте во сине море".
Ужъ какъ всѣ жеребьи поверхъ воды,
А безчастнова—какъ ключъ ко дну.

(Сахаровъ).

112.

По утру-то было ранымъ-рано,
На зорѣ-то было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озеръ подымалися,
Подымалися добрые молодцы,
Добры молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,

На работушку государеву.
Провожають ихъ, добрыхъ молодцовъ,
Отцы, матери, молоды жены,
И со малыми со дѣтками.

(Сахаровъ).

113.

Ахъ, туманы вы, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистны(е)!
Изсушили туманушки молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ людей бѣдны(и)хъ:
Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички;
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ возьмемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.

(Сахаровъ).

114.

Ахъ, и что же вы, ребята, пріуныли!
Аль у васъ, молодые, денегъ нѣту?
Сѣдлайте, ребята, себѣ коней,
Своему атаману пару въ дрожки.
Поѣдемъ, ребята, къ дядѣ въ гости,
Попросимъ у дяди въ займы денегъ;
Какъ дядюшка скажетъ—„денегъ нѣту“,

А тетушка скажетъ—„не бывало“ (—„ни копѣйки!“),—
Берите, ребята, съ грядъ по полѣну,
Щепляйте, ребята, вы лучину,
Щепляйте, ребята, помельче,
Разводите огонь пожарчѣе,
Кладите на огонь дядю съ теткой...
Какъ дядюшка скажетъ—„денегъ много“,
А тетушка скажетъ—„смѣты нѣту“,—
Пойдёмте, ребята, въ кладовую;
Берите по горсти—рублей по сту;
Поѣдемъ, ребята, загуляемъ,
Запоемъ молодку во всю глотку:
„Молодка, молодка молодая!.....“

115.

Что далече, далече, во чистомъ полѣ,
Что при пути, при широкой дороженькѣ,
Стояла тутъ кудрявая береза,
Тонешенька, бѣлешенька, кудревата.
Подъ той подъ кудрявою березой
Стояли тутъ станицы воровскія,—
Во той ли во станицѣ красна дѣвица.
Не пѣсенки красна дѣвица воспѣваетъ,
Что кричитъ красна дѣвица, воетъ, плачетъ:
„Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
„Я сорокъ душъ съ душою погубила,
„И батюшкѣ, и матушкѣ не спустила,
„И родъ, красна дѣвица, потребила“.
Не голуби промежъ себя воркуютъ,
Промежъ себя разбойники рѣчь говорили:
— Не стало у насъ, братцы, атамана,
— Засаженъ нашъ атаманъ во темницу,
— Во темную темницу, заключенну;
— Не въ саду нашъ атаманъ гуляетъ,
— Гуляетъ нашъ атаманъ по темницѣ,

— По темной темницѣ, заключенной;
— Тяжко, больно нашъ атаманъ воздыхаетъ,
— Къ сердечушку бѣлы руки прижимаетъ,
— Любимую свою рощу вспоминаетъ:
— „Ой, свѣтъ же ты, моя воровская роща!
— „Ужъ какъ мнѣ по тебѣ, роща, не тужити,
— „Подъ широкой дорожкой не стояти,
— „Купеческихъ людей не разбирати,
— „Столько злата и серебра не отбирати."

(Сахаровъ).

116.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!
Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!
Еще всѣ-то вы, кусточки, ужъ повыжжены,
Еще всѣ наши станочки поразорены,
Еще всѣ наши товарищи переиманы.
Какъ и первой-то товарищъ въ градѣ Кіевѣ,
А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ,
Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ,—
Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ...

(Сахаровъ).

117.

Не шуми, мати, зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати,—
Какъ заутра мнѣ, добру молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ меня царь-государь спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
„Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
„Еще много ли съ тобой было товарищей?"
— Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
— Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
— Что товарищей у меня было четверо—

— Ужъ какъ первой мой товарищъ—темная ночь,
— А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
— А какъ третій товарищъ мой—добрый конь,
— А четвертой мой товарищъ—тугой лукъ,
— Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
„Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
„Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
„Среди поля хоромами высокими,
„Что двумя ли столбами съ перекладиною.

(Сахаровъ).

118.

Встаютъ со сна всѣ разбойники...
Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
Тутъ поздоровались и всѣ расплакались.
Раздавали разграблено злато, серебро
И все имѣніе-богачество
По тѣмъ ли сиротамъ по бѣднымъ,
По тѣмъ ли церквамъ по Божіимъ,—
Сами пошли скитаться по разнымъ странамъ.

119.

Ахъ, вы, братцы мои, товарищи,
Возьмите меня, братцы, за бѣлы ручки,
Поставьте меня, братцы, на рѣзвы ножки,
Поведите меня во Божью церковь,
Причастите меня, братцы, исповѣдайте;
Посадите вы меня во кареточку,
Повезите меня, братцы, во чисто поле,
Во чисто поле, въ широкое раздольице,
Положьте меня, братцы, между трехъ дорогъ,
Въ возголовьице поставьте сотворящій крестъ.

(Аристовъ).

Объяснительныя статьи.

I. Праздники языческихъ славянъ.

Н. И. Костомарова.

Славяне располагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потомъ дѣлится на три части; праздниковъ было три, по тремъ дѣйствіямъ земледѣльческаго процесса: посѣять, убрать и приготовить.

Первый былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца. И теперь у насъ по деревнямъ поются единственно весною, до 23 іюня, особенныя пѣсни съ именемъ Лада въ припѣвахъ. Время съ 23 мая до 23 іюня для земледѣльческаго класса довольно свободное: тогда сѣвка кончается, а покосъ еще не начатъ.

Праздникъ весны начинался очень рано: когда только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ, тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козелъ.

Памятниками этого древняго обычая у славянъ остались: 1) пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и 2) обычай водить козла,—это наблюдаютъ въ Украйнѣ при началѣ весны, обыкновенно на первой недѣлѣ поста. Юноши и дѣвицы бѣгаютъ по улицѣ съ рукоплесканіями и пѣснями; въ этихъ пѣсняхъ, въ первый разъ, упоминается имя Лада съ эпитетомъ Лелю, т. е. свѣтлый. По русски этотъ праздникъ называется пролѣтье. Когда снѣгъ сходилъ, распускалась рѣка и выказывалась первая трава, отправлялось торжество смерти зимы и воцареніе весны. Прежде всего, хороводъ, составленный нарочно заранѣе изъ юношей и дѣвъ, называемый у поляковъ стадо, купался въ знакъ очищенія. Памятникомъ этого обряда остался на Украйнѣ еще въ XVII в. обычай такой: на свѣтлой недѣлѣ юноши бѣгали съ ведрами за дѣвицами и обливали ихъ водою, а на другой день дѣвицы тѣмъ же отплачивали мужчинамъ, въ другихъ мѣстахъ другъ

друга бросали въ воду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ поселяне погружаются на провеснѣ въ воду, потомъ взлѣзаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Потомъ совершается символическій обрядъ утопленія зимы и заклинанія весны. Въ XVII в. въ Польшѣ дѣлали чучело, надѣвали на него женскую одежду, торжественно несли къ рѣкѣ и повергали въ воду; это чучело называлось Мараною и означало у славянъ смерть или зиму, т. е. воду въ стоячемъ положеніи. Тогда пѣли: „Смерть вьется по заборамъ, ища себѣ поживы". Потомъ совершалось заклинаніе или призываніе весны. Это торжество у русскихъ называется Красною Горкою. Такъ какъ идея свѣтопоклоненія относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Во первыхъ, это было торжество приходящей весны. Оно началось призваніями матери солнца, великой Лады. Послѣ того пѣли торжественные гимны въ честь солнцу; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ; пѣли священныя пѣсни въ честь воды, совершали моленія о плодородіи и ниспосланіи дождя, обращались къ лѣсамъ, прося ихъ развиться, призывали птицъ развеселить пѣніемъ расцвѣтающія дубравы. Потомъ отправлялись символическія игры; нѣкоторыя изъ нихъ знаменовали весну, другія означали воспоминанія миѳологическихъ событій. Припѣвы: Ладо-Дидо-Ладо! (т. е. великій Ладо) Лелю-Ладо! Дана! Дана! показываютъ, что всѣ они относятся къ исторіи язычества славянскаго, съ которою связывается свѣто-и-водо-поклоненіе. Обряды и пѣсни сопровождались священными огнями; въ честь солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и водѣ, невѣстѣ солнца, носили свѣтильники, подобно тому какъ въ Египтѣ на праздникъ Озириса, у грековъ въ честь Аполлона, изображавшагося съ факеломъ, также на праздникъ Цереры и Вакха. Названіе игры горѣлки, игры весенней, показываетъ, что она первоначально совершалась около зажженныхъ огней.

Второе значеніе красной горки было земледѣльческое. Такъ какъ это было время сѣянія, то земледѣльческія занятія изображались символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры, какъ напр., извѣстная игра сѣяніе проса, и пѣсни хороводныя, въ которыхъ изображается пахaніе вообще, сѣяніе мака, хмеля, ячменя и пшеницы, льна и разныя сельскія работы. Все это, изображаясь въ священнодѣйствіи, какъ бы освящало полевыя труды поселянъ.

Третье значеніе праздника было семейственное. Высочайшій ладъ, всемірная гармонія, физически символизуются въ образѣ бракосочетанія огне-свѣта съ водою, олицетворяемыхъ подъ именами Свантовита и Дѣваны. Это бракосочетаніе совершалось въ день Купала, а до того времени, весною, происходила воображаемая любовь свѣта съ водою, какъ жениха съ невѣстою; слѣдствіемъ этой любви былъ всеобщій расцвѣтъ, радость, свѣжесть. Любовь свѣтоноснаго мужескаго и воднаго женскаго божествъ служила первообразомъ соединенія половъ на землѣ; потому въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы долженствовали соединиться бракомъ при концѣ праздника, а до того времени въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражать взаимную любовь для прославленія верховной любви. И весеннія игры символизуютъ часто любовь и бракосочетаніе, напр. „царевичъ и царевна“, или „сѣяное просо“, гдѣ представляется умыканіе дѣвицъ, и т. д. Эти игры, исключительная принадлежность красной горки, были кажется началомъ и религіознымъ освященіемъ тѣхъ игрищъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были отправляться каждый вечеръ между дворами, и на которыхъ молодые люди знакомились между собою и приготовлялись къ браку.

Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый праздникъ народный, который теперь называется Красною Горкою, называется Радуницею или проводами и могилками. Послѣ веселыхъ игръ, ходили на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, гдѣ стояли на столбахъ сосуды

съ пепломъ умершихъ, приносили туда яства и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойниковъ, а женщины въ плаксивыхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торжественное пиршество, на которомъ пили-ѣли званые и незваные, все въ честь покойниковъ, а потомъ начиналась борьба и ристаніе, подобно какъ въ древности у грековъ. Эти богатырскія игры считались необходимыми для умершихъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, гдѣ разсказывается, что послѣ пиршествъ надъ могилою Игоря княгиня Ольга пригласила древлянъ на состязаніе съ кіевлянами. Поминовеніе оканчивалось радостными пѣснями и танцами, что называлось закликать мертвыхъ, т. е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе.

Послѣ Красной Горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и увеселеніями. Все носило видъ богослуженія Ладу. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хороводѣ, обыкновенно у воды или въ рощахъ. Это-то были тѣ игрища „межю-селы“, на которыхъ, по словамъ Нестора, „умыкаху у воды дѣвиця“.

Когда земледѣльцы обсѣвались, и наступало болѣе свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло быстрѣе, славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое Семикомъ. Праздникъ этотъ былъ тотъ же, который называется у русскихъ Яриломъ, а у словаковъ Турицами и Лѣтницами. Подобно Красной Горкѣ, Семикъ имѣетъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Праздникъ этотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ быть, собственно семь, а можетъ быть и доходилъ, до дня Купала, какъ это можно предположить изъ того, что обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ славянщины въ разныя времена, но непремѣнно въ близкія около Троицына дня и купальнаго праздника. Идея его есть поклоненіе свѣтоносному существу въ эпоху сильнѣйшей его дѣятельности.

Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки, на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами, вѣрно прежде символическими знаками, служитъ непремѣннымъ условіемъ этого праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно это дерево—береза, и, кажется, оно символизовало мать Ладу природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизуетъ мать. Къ этому же торжеству относится и обрядъ погребенія Ярилы. Ярила празднуютъ теперь разнымъ образомъ. Встарину человѣкъ разрумяненный, обвязанный лентами и колокольчиками, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, шелъ, окруженный толпою народа, которая плясала, пѣла, пьянствовала и билась на кулачки до смерти. Въ заключеніе хоронили чучело мужчины. Такъ описанъ этотъ языческій праздникъ въ Воронежѣ, въ житіи преосвященнаго Тихона, который истребилъ и проклялъ идола. Въ другихъ мѣстахъ Яриломъ называютъ истукана, одѣтаго въ мужское и женское платье вмѣстѣ. Въ Бѣлоруссіи Ярило изображался въ видѣ молодого человѣка, убраннаго цвѣтами. По всему однако видно, что Ярило однозначителенъ съ Ладомъ, ибо во Владимірской губерніи называютъ Ярила Ладомъ. Этотъ праздникъ отправлялся въ честь свѣта. Праздникъ приходится въ то время, когда вся природа бываетъ, по русскому выраженію, въ яру. Принадлежность этого праздника есть гаданіе, особенно посредствомъ вѣнковъ и цвѣтовъ, которые бросаютъ въ воду.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтняго праздника видно изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, увитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ предъ начатіемъ покоса и жатвы, то, значитъ, славяне отправляли въ то время очистку полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы идутъ въ вѣнкахъ и поютъ пѣсни, приличныя только этому времени; знамена увиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣру, кротко обращали въ христіанскіе тѣ изъ языческихъ обрядовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ христіанства.

Въ семейственномъ отношеніи, пѣсни лѣтницкія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ дѣвицъ, не изображается первое знакомство любящихся, а выражается предчувствіе скораго брака. Такъ, въ одной пѣснѣ, дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть замужемъ, въ другой сожалѣетъ о скоропреходящихъ дняхъ дѣвичества, дняхъ забавъ и пѣсенъ, за которыми послѣдуетъ однообразная жизнь семейная. Оттого, въ весеннихъ пѣсняхъ, отецъ отправляетъ дочь на игрище и говоритъ: „Гуляй, дочь моя, сколько хочешь! Два раза не будешь молодою". А въ пѣсняхъ лѣтницкихъ мать посылаетъ дочь поневѣститься.

Рядомъ съ гуляньемъ, пиршествами и веселыми играми, поминали мертвыхъ. Хороводъ переходилъ отъ священныхъ рощъ и водъ къ могиламъ: тамъ отправлялись тризны съ такими же играми, какъ и весною. И теперь, около этого времени, въ обыкновеніи отправлять панихиды. Живущіе, празднуя полную жизнь, земное царство свѣта, напоминали отжившимъ, что и для нихъ придетъ время, когда мечъ свѣта поразитъ „смока" (дракона) и избавитъ ихъ изъ черной ночи.

Въ то же время, отправлялись жертвоприношенія русалкамъ; и теперь недѣля, послѣ духовой, называется русальною.

Наконецъ, въ заключеніе продолжительнаго празднества Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одно изъ народныхъ празднествъ не оставалось съ его явно-языческими принадлежностями, послѣ принятія Христіанства, какъ праздникъ купальный. Духовные въ Россіи силились истребить его и не могли до сихъ поръ; они оставили намъ любопытныя описанія. Въ Стоглавѣ (въ XVI в.) жалуются, „что противъ праздника рождества Іоанна Предтечи, противъ ночи и во весь день до ночи, мужи, и жены, и дѣти въ домахъ и по улицѣ и, ходя по водамъ, глумы творятъ с всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рощѣ омываются водою, и пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю". Въ Польшѣ та-

кой обычай назывался соботка, и въ XVI ст. служилъ увеселеніемъ даже высшаго класса. Огонь, назначенный для перескакиванія чрезъ него, добывался посредствомъ тренія дерева объ дерево. У западныхъ славянъ это празднество, называемое также соботка, такъ укоренилось, что на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, 23 іюня вечеромъ, горы Судетскія и Карпаты кажутся пылающими.

Слѣды этого празднества существуютъ у многихъ народовъ. Такъ, въ сѣверныхъ странахъ, такой огонь зажигался въ честь Бальдура, въ Германіи онъ называется Iohannisfeuer: нѣмцы переводили чрезъ него стада свои. У литовцевъ этотъ праздникъ назывался Росса, и зажиганіе огня было главнымъ его обрядомъ. У древнихъ римлянъ существовалъ пастушескій праздникъ Палилія, когда перескакивали чрезъ огонь и проводили стада; вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось очищеніе и посредствомъ воды. У грековъ очищеніе посредствомъ огня и воды составляло важный догматъ религіи и существенную часть таинствъ Цереры и Вакха. Въ глубокой древности, на праздникѣ Весты, 23 іюня, кропили водою дома и перепрыгивали ночью чрезъ зажженные костры. Такимъ образомъ, торжество Купала у славянъ было общимъ праздникомъ всего языческаго міра.

Вотъ какъ отправляется этотъ праздникъ въ южной Россіи. Прежде всего юноши и дѣвицы купаются, потомъ надѣваютъ вѣнки изъ чорноклена съ душистыми травами, подпоясываются чернобыльникомъ и, предъ захожденіемъ солнца, собираются на возвышенномъ мѣстѣ, непремѣнно надъ рѣкою. Ставятъ два изображенія: одно чучело на подобіе человѣка, другое—дерево, увитое женскими уборами, лентами и вѣнками. Дерево обыкновенно бываетъ чернокленъ. Потомъ раскладываютъ кучи соломы и, постановившись кругомъ, поютъ пѣсни и, взявши въ руки изображенія, попарно, парень съ дѣвкою, прыгаютъ черезъ огонь; когда всѣ перепрыгнутъ, бросаютъ въ воду изображенія, изъ которыхъ мужское называется Купаломъ, а женское Мареною. Вслѣдъ затѣмъ бросаютъ съ

себя вѣнки въ воду. Въ пѣсняхъ, которыя поются при этомъ, говорится, что Купало (передѣлываемый обыкновенно въ Ивана) купался, что играло на немъ солнце, и что, наконецъ, купавшись, онъ упалъ въ воду. Поютъ также о Маренѣ, что она необыкновенная красавица, играла въ высокомъ теремѣ, потомъ бросилась въ воду. Кромѣ того, поютъ о какомъ-то женскомъ существѣ, утонувшемъ въ Дунаѣ, и о мужскомъ, изрубленномъ дѣвицами и превратившемся въ нѣсколько цвѣтовъ.

Два изображенія—мужское и женское, Купало и Марена, означаютъ, очевидно, Лада-Свантовита, свѣтоносное начало и женское водное начало, или Дѣвану: теперь они называютъ въ народѣ царь-огонь и царица-водица. Бракъ солнца съ водою былъ величайшимъ торжествомъ всего творенія; оттого, по народнымъ суевѣріямъ, и солнце три раза останавливается на день св. Іоанна, и птицы, и звѣри, и цвѣты, и деревья радуются. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время заключается въ природѣ процессъ растенія и возбужденія; поэтому тогда солнце представляется на высочайшей степени всеживотворящей дѣятельности.

Въ отношеніи семейномъ, этотъ день былъ великъ у славянъ. Юноши и дѣвицы, составлявшіе хороводъ въ продолженіе праздника Лада, должны были соединиться бракомъ. Хороводъ уничтожается. Каждый юноша выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Это доказывается тѣмъ, что пѣсни купальскія есть, по большей части, однѣ и тѣ же, что свадебныя; въ нихъ уже мало поется о любви, а если поется, то о супружеской; дѣвушка теряетъ отца, брата, сестру и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя, золовку. Какъ купанье, такъ и перескакиванье черезъ огонь—обряды брачные, и кажется, у славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчаніе. Такъ Іаковъ Черноризецъ, жившій въ XI в., жаловался митрополиту Іоанну, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе посредствомъ плесканья. Огонь же употребляется на свадьбахъ: въ Малороссіи и теперь на свадебномъ

пиру молодые перескакиваютъ черезъ кучу зажженной соломы, какъ на Купала.

Въ хозяйственномъ отношенiи, этотъ праздникъ имѣлъ также высокое значенiе. Въ этотъ день собираются обыкновенно травы какъ медицинскiя, такъ и такiя, которымъ фантазiя приписываетъ чародѣйственную силу. Какъ вода, такъ и огонь, и даже вѣнки съ праздника купальскаго, признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ чернобыльникомъ какой-то земляной уголь, исцѣляющiй отъ болѣзней. Тогда растетъ трава архилина, получаемая, какъ думали въ старину, только чрезъ золотую и серебряную гривну, и трава-разрывъ, способная разрушать желѣзо, и цвѣтетъ папоротникъ, символъ таинственной силы свѣта. Огнемъ купальскимъ и водою очищали славяне скотъ, поля и огороды, приготовляясь къ начатiю полевыхъ работъ и полагая, что они предохраняютъ произрастенiя отъ вредныхъ насѣкомыхъ. И потому справедливо называютъ Купала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ смыслъ высочайшей силы солнца, онъ дѣйствительно былъ божествомъ плодородiя. Неизвѣстно навѣрное, имѣетъ ли праздникъ Купала значенiе для усопшихъ, но то вѣрно, что огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Такъ русскiе объясняли арабскому путешественнику Ибнъ Фодлану, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобы умершiе невозбранно вошли въ блаженство, слѣдовательно, достигли блаженства посредствомъ огня. Въ Богемiи, если и хоронили трупы, не сжигая, то считали необходимымъ, чтобы на могилѣ 3 или 7 дней горѣлъ огонь. Что вода была также необходимою для мертвыхъ, видно изъ того, что, по сказанiю того же арабскаго путешественника, мертвыхъ сожигали непремѣнно въ лодкѣ на водѣ. Святославъ, для упокоенiя усопшихъ, топилъ въ водѣ пѣтуховъ и младенцевъ.

По окончанiи длиннаго праздника Лада, начинались полевыя работы, которыя, не смотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ Свантовиту-

*

Ладу, теперь называемый „обжинки“. Саксонъ Грамматикъ описываетъ его у прибалтійскихъ славянъ такимъ образомъ: „Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т. е. внутреннюю часть храма, едва переводя отъ благоговѣнія дыханіе, и смотритъ, есть ли вино въ рогѣ, находившемся въ правой рукѣ идола. Ежели нѣтъ, или мало, это служило предвѣстіемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ собранъ передъ храмомъ и въ внѣшней части храма. Жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, выходитъ къ народу, выпиваетъ при торжественныхъ моленіяхъ о всеобщемъ благоденствіи, побѣдѣ и мирѣ, желаетъ, чтобы никто изъ присутствующихъ не умеръ, потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ въ рукѣ идола. Послѣ того онъ выходитъ къ народу; приносятъ огромный медовый пирогъ и ставятъ передъ жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: „Что, видите вы меня?“ Если ему отвѣчаютъ: „Не видимъ“, то говоритъ: „Ну, чтобы вы меня и на тотъ годъ не увидѣли за большимъ изобиліемъ!“ Это драгоцѣнное извѣстіе мы можемъ считать относящимся и къ нашему отечеству. До сихъ поръ у малороссіянъ сохраняется подобный обрядъ, только перенесенный ко времени Рождественскихъ Святокъ. Отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: „Видите ли вы меня, дѣти?“ Ему отвѣчаютъ: „Не видимъ“. Онъ говоритъ: „Ну, дай Богъ, чтобы и на этотъ годъ не увидѣли“. Послѣ обряда праздникъ проводился славянами въ пиршествахъ и забавахъ. Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество это съ различными церемоніями въ разныхъ краяхъ. Въ Россіи обыкновенно все село дѣлаетъ складчину, пьютъ и ѣдятъ, и отправляютъ при этомъ обряды истинно миѳологическіе; напр. дѣлаютъ чучело изъ снопа въ видѣ женщины или приносятъ въ церковь пѣтуха (а пѣтухъ, особенно красный, на всемъ европейскомъ сѣверѣ символизуетъ огонь). Въ Малороссіи жницы и жнецы несутъ снопы въ церковь, сами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами.

Третій праздникъ у славянъ отправлялся зимою въ то время, когда солнце доходило до наименьшей степени своей силы и возвращалось снова на весну. Праздникъ этотъ имѣетъ основаніе въ общечеловѣческомъ миѳологическомъ понятіи о рожденіи свѣта. У римлянъ тогда отправлялись Январскія Календы (называвшіяся также Natales Solis invicti). Древнее изображеніе женщины съ младенцемъ было символомъ рождающагося солнца. У скандинавовъ тогда отправлялся праздникъ Іолю, въ знакъ возвращающагося солнца. У славянъ былъ въ то время праздникъ, именуемый теперь Колядою; утверждали, что Коляда есть испорченное слово Calendae, и зашло въ Малороссію отъ поляковъ, которые заимствовали его отъ западныхъ европейцевъ. Но мы знаемъ, что не только въ Малороссіи, но и въ Великой Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, извѣстно имя Коляды, притомъ находимъ видимое сходство обрядовъ этого праздника съ древними, подобными миѳологическими торжествами. Имя Коляда, какъ можно полагать, не произошло отъ Calendae, а скорѣе однознаменательно со словомъ Іола, означающимъ колесо-кругъ солнца; тоже значитъ и Коляда, отъ коло-кругъ, колесо.

Въ отношеніи религіозномъ, этотъ праздникъ у славянъ отправлялся въ честь рождающагося солнца, изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ славяне начинали съ зимняго поворота. А такъ какъ солнце совершаетъ дѣятельность свою постоянно, и сначала оно является въ маломъ видѣ, то оттого и образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣтствѣ свѣтоноснаго начала въ годичномъ его бытіи: оттого и произошло изображеніе женщины—олицетворенной природы—съ младенцемъ. Памятникомъ этому служитъ пѣсня:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества.

Въ отношеніи семейственномъ, этотъ праздникъ, кажется, имѣетъ также значеніе. Колядницы, ходящія подъ окнами

въ Малороссіи, поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще не знающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ этимъ чувствомъ. Такъ юноша изображается съ аттрибутами молодца, на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и получаетъ ее то геройскою удалью, то прельщая красотою. Дѣвицѣ расхваливаютъ ея наряды, ея красоту, и говорятъ, что скоро сберутся къ ней князи и бояре (т. е. женихи), будутъ искать любви ея, и, наконецъ, возьметъ доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ юношей. По большей части гаданія, существенная часть праздника, относятся къ семейной связи. Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша свою будущую подругу. Къ такимъ принадлежитъ гаданье посредствомъ лошади: дѣвушки выводятъ коня и проводятъ его чрезъ бревно; ежели конь не зацѣпится, то мужъ у той, которая гадаетъ о себѣ, будетъ добрый, въ противномъ случаѣ—сердитый. Гаданье посредствомъ кольца также древнее. Гаданье посредствомъ куръ, которыхъ заставляютъ пить воду, ѣсть хлѣбъ, брать кольца и т. п., сходно съ гаданьями римскихъ авгуровъ. Гаданье посредствомъ лучины, которую обмакиваютъ въ водѣ, зажигаютъ и, по скорому зажженію, заключаютъ о выгодномъ или невыгодномъ бракосочетаніи, имѣетъ соотношеніе съ языческимъ понятіемъ о бракосочетаніи огня съ водою. Всѣ эти гаданія исключительно семейныя. Очень вѣроятно, что въ язычествѣ на праздникѣ Коляды—рожденія солнца — составлялся и хороводъ, котораго члены—юноши и дѣвицы—долженствовали на будущую весну своею любовію прославлять всеобщую любовь, выражаемую въ природѣ жизнью, а въ языческой миѳологіи—символическимъ бракосочетаніемъ царя-огня съ царицею-водицею.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, праздникъ Коляды имѣлъ важное значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи. Обычаи щедровать и отчасти колядовать у малороссовъ преимущественно земледѣльческіе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ

обиліе и счастіе хозяина, говорятъ, что у него есть и пшеничный хлѣбъ, и кишки, и колбасы, и желаютъ ему такого же благоденствія на другой годъ. „Богъ тебе кличе!—говорится въ одной щедровкѣ; даетъ два лана жита, а третій пшеницы, а четвертый гречихи, а пятый овса“. Въ другой говорится, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣетъ на будущій годъ хлѣбъ, то Богъ ниспошлетъ на ниву его дождь, который упадетъ три раза въ маѣ, и на нивѣ уродится жито и пшеница, а хозяинъ, въ благодарность за хорошее желаніе, долженъ поставить пѣвцамъ меду и вина. У великоруссовъ хозяину желаютъ корысти въ домъ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что значитъ принимать гостей. При святочныхъ подблюдныхъ пѣсняхъ всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

Пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ.

Многія изъ гаданій относились къ урожаю въ будущемъ году, какъ и къ женитьбѣ. Гаданье посредствомъ соломины, которую берутъ, закинувъ голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломина съ колосомъ, и о несчастіи, когда пустая, есть гаданье земледѣльческое. Обычай посыпать зерномъ на новый годъ, наблюдаемый въ Великой и Малой Россіи, сопряженъ съ большимъ торжествомъ, которое называется овсень у великоруссовъ, а у малороссіянъ щедрымъ вечеромъ. Этотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ, вѣроятно, значеніе освященія зеренъ, приготовляемыхъ для посѣва. У малороссовъ поется при этомъ о святомъ Иліи, который носитъ плеть изъ жита, и гдѣ махнетъ ею, тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ святымъ Иліею, вѣроятно, сокрылось другое языческое существо, которое могло быть не иной кто, какъ Ладъ-свѣтъ, всеоживляющее, дарующее всякое благо начало,—Бѣлый Богъ, Свантовитъ, покровитель земледѣлія.

2) Коляда.

И. Я. Порфирьева.

Первымъ праздникомъ въ честь Дажь-бога или солнца и, вмѣстѣ, началомъ стараго языческаго года, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, былъ зимній праздникъ во время такъ называемаго солноворота, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда, послѣ долгихъ ночей, начинаетъ прибывать день, когда, по народному выраженію, солнце поварачиваетъ на лѣто. Близкое совпаденіе этого праздника съ церковнымъ праздникомъ Рождества Христова было, конечно, причиною того, что въ христіанскія времена онъ примкнулъ къ празднику Рождества и сталъ отправляться 24 декабря, наканунѣ Рождества, или во время самаго Рождества. Въ Великороссіи онъ отправлялся еще въ XVII в., а въ Малороссіи отправляется и теперь такимъ образомъ: наканунѣ Рождества или даже цѣлую Рождественскую недѣлю, молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсню, величая хозяина, хозяйку и дѣтей ихъ, и просятъ денегъ, пироговъ и пр. Въ пѣсняхъ обыкновенно величается Коляда, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Овсень, Авсень, Таусень; потому онѣ называются колядскими и овсеневыми. Слово Коляда производятъ отъ латинскаго слова Calendae (Коляда, у поляковъ Coleda, отъ caleo, разгорячиться, горѣть, что указываетъ на жаръ солнца). Было ли это слово названіемъ самого Дажь-бога, или только праздника въ честь его, опредѣлить трудно. Въ числѣ особыхъ божествъ, Коляда не встрѣчается въ памятникахъ древней письменности; въ пѣсняхъ же она упоминается въ видѣ припѣва. Въ одной изъ колядскихъ пѣсенъ говорится:

За рѣкою, за быстрою,
Ой Каліодка, ой Каліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.

Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Коліодушки.
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати...

Здѣсь, очевидно, описывается старый языческій праздникъ, когда предки наши приносили жертвы въ лѣсахъ; старикъ съ ножомъ — жрецъ, приносившій жертву, а козелъ—самая жертва.

Для языческихъ жертвъ, во время праздника, собирались, вѣроятно, приношенія; во времена христіанскія это перешло въ обычай воспѣвать Коляду и собирать разныя подаянія. Вотъ колядка, при которой собираются подаянія:

Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
Наканунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ и проулочкамъ;
Нашли Коляду
У Петрова-то двора...

Называется дворъ хозяина, подъ окнами котораго поется пѣсня. Далѣе въ пѣснѣ величается этотъ дворъ, его хозяинъ, хозяйка и дѣти ихъ. Дворъ обнесенъ желѣзнымъ тыномъ, а среди двора стоятъ три терема. Хозяинъ сравнивается съ свѣтлымъ мѣсяцемъ въ одномъ теремѣ, хозяйка—съ краснымъ солнцемъ въ другомъ, а дѣти ихъ—съ частыми звѣздами въ третьемъ теремѣ. Очень можетъ быть, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды первоначально прославлялись, во время Коляды, сами по себѣ, самостоятельно, а потомъ, когда уже потерялся древній смыслъ праздника, они стали употребляться для

сравненія съ ними прославляемаго въ пѣснѣ хозяина дома, его жены и дѣтей. Пѣсня оканчивается желаніемъ „здравствовать хозяину съ хозяюшкой на долгіе вѣки, на многія лѣта". Въ этой пѣснѣ уже ничего не говорится о жертвоприношеніи, какъ въ первой пѣснѣ, а упоминается только Коляда, которая при томъ называется святою, и говорится, что она пришла наканунѣ Рождества. Такъ измѣнился смыслъ языческаго праздника Коляды, и справлявшимъ его впослѣдствіе христіанамъ, конечно, и на мысль не приходило, что, собирая подаянія, они подражаютъ въ этомъ случаѣ своимъ предкамъ язычникамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто Коляды, въ пѣсняхъ воспѣвается Овсень или Авсень; потому и самыя пѣсни называются овсеневыми. Впрочемъ, какъ Колядки относятся собственно къ кануну Рождества, такъ овсеневыя пѣсни поются, большею частію, наканунѣ Новаго года, вечеромъ, который въ народѣ называется Васильевымъ вечеромъ оттого, что въ Новый годъ церковь празднуетъ память св. Василія Великаго. Содержаніе овсеневыхъ пѣсенъ почти тоже самое, что и колядскихъ, только вмѣсто Коляды въ нихъ величается Овсень или Авсень. Вотъ пѣсня Овсеню:

Ой Овсень, ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень, ой Овсень!
Посмотри, погляди.
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ!

Слово Овсень одни производятъ отъ обсѣванія или осыпанія овсомъ, которымъ сопровождается пѣніе овсеневыхъ пѣсенъ; поющіе обыкновенно бросаютъ зерна разнаго хлѣба и особенно овса; зерна эти слушающіе собираютъ и хранятъ до весенняго посѣва. Другіе это слово, произносимое въ различныхъ мѣстахъ различно (Авсень, Усень, Таусень), сближаютъ со словомъ ясный и видятъ въ немъ измѣненіе слова

ясень—названіе солнца (ясное солнце). Какъ бы то ни было, только упомянутый обрядъ осыпанія, при пѣніи овсеневыхъ пѣсенъ, и сходство этихъ пѣсенъ съ колядскими, и по содержанію, и по времени, въ которое онѣ поются, показываютъ, что Овсень, подобно Колядѣ, имѣетъ отношеніе къ солнцу и составляетъ, вѣроятно, только другое названіе одного и того же солнечнаго божества или праздника въ честь солнца, какъ источника теплоты и плодородія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ они даже соединяются вмѣстѣ и величаются рядомъ одна съ другимъ. На то же самое указываютъ и другіе обряды, совершаемые въ разныхъ мѣстахъ въ Васильевъ вечеръ, когда поются овсеневыя пѣсни. Въ Малороссіи въ этотъ вечеръ комнату устанавливаютъ снопами; снопы кладутся и на самый столъ, а посреди ихъ ставятъ большой пирогъ; сидя за нимъ, отецъ спрашиваетъ дѣтей, видятъ ли они его? „Не видимъ“, отвѣчаютъ дѣти.—„Ну, дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не увидѣли“. Въ Галиціи при этомъ кладутъ еще на столъ рукоять плуга. Этотъ обрядъ, вѣроятно, соблюдался и у насъ; по крайней мѣрѣ изъ одного акта XVII в. извѣстно, что въ навечеріи Богоявленія въ старину „кликали плугу“.

3) Красная горка и Радуница.

И. П. Сахарова.

Красная горка на Руси составляетъ первый весенній праздникъ. Великоруссы здѣсь встрѣчаютъ весну, вѣнчаютъ суженыхъ, разыгрываютъ хороводы. Малоруссы отправляютъ свои веснянки, ходятъ съ пѣснями по улицамъ.

Поселяне Тульской губ. на Красную горку закликаютъ весну съ хороводными пѣснями. При восхожденіи солнца, они выходятъ на холмъ или пригорокъ, подъ предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хороводница, проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яйцомъ въ другой и начинаетъ пѣсню:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ прїѣхала?
На сошенькѣ,
На бороночкѣ и проч.

Въ Калужской губ. поселяне зазываютъ весну также съ пѣснями. Соломенное чучело, укрѣпленное на длинномъ шестѣ, ставится на горкѣ; кругомъ его собираются женщины и мужчины. Послѣ пѣсенъ садятся вокругъ горки, угощаютъ другъ друга яичницами. Вечеромъ сожигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ степныхъ селенiяхъ встрѣчаютъ весну съ однѣми пѣснями, безъ всякихъ обрядовъ.

Въ Вязьмѣ выходятъ невѣсты и женихи въ праздничныхъ нарядахъ погулять на Красную горку. Здѣсь невѣсты выглядываютъ жениховъ. Тамъ очень часто случается, что на этотъ день происходятъ и самыя рукобитья.

Въ Буйскомъ уѣздѣ для встрѣчи весны взрослыя дѣвицы и холостые ребята, при восхожденiи солнца, обливаютъ себя водою на открытомъ воздухѣ. Отчаянные и смѣлые купаются въ рѣкахъ. Послѣ на сходбищѣ поютъ пѣсни, перепрыгиваютъ черезъ плетень огорода, взлѣзаютъ на деревья, ходятъ вереницами вокругъ сѣнныхъ стоговъ. Въ это время они поютъ:

Весна, весна красная!
Приди весна съ радостью и пр.

На Красную горку начинается и поминовенiе родителей. Въ Спасскѣ Рязанскомъ дѣвицы и женщины въ жаленомъ (траурномъ) платьѣ выходятъ на кладбище поклониться своимъ родителямъ. Сначала, по обыкновенiю, плачутъ на могилахъ съ разными причитаньями о житьѣ-бытьѣ покойниковъ, потомъ принимаются раскладывать по могиламъ кушанья и напитки. Родные и знакомые ходятъ по могиламъ въ гости. Здѣсь старые занимаются угощенiемъ, а молодые катаютъ по могиламъ красныя яйца. Остатки вина выливаются на могилы—въ кладбищѣ отправляются въ праздничныхъ платьяхъ разыгрывать Красную горку въ хороводахъ.

На Красную горку начинаютъ играть въ горѣлки, сѣять просо, плести плетень, прославлять заиньку.

Въ четвергъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста совершаются на Руси разные обряды.

Въ деревнѣ Сосновкѣ, Чистопольскаго уѣзда, бываютъ въ полночь сборы на рѣчкѣ Бахту. Ровно въ полночь, послѣ пѣнія первыхъ пѣтуховъ, выходятъ дѣвицы и молодицы на рѣчку почерпнуть воды, пока воронъ не обмакнулъ крыла. Почерпая воду, онѣ поютъ пѣсни и умываютъ лицо. По замѣчаніямъ сосновцевъ, будто въ полночь съ этого дня наступаетъ весна и приноситъ съ собою красоту и здоровье, и что воронъ изъ зависти спѣшитъ запастись здоровьемъ прежде людей.

Поселяне Буйскаго уѣзда, Костромской губ., выходятъ рано утромъ встрѣчать весну. Буйскія дѣвицы выходятъ для сего къ рѣкамъ. Если вскрылась вода, то онѣ входятъ по поясъ въ рѣку, соединяются въ кружокъ, держась рука за руку, и поютъ: „весна, весна красная, приди, весна, къ намъ съ милостью, съ тою милостью, съ великою благостью“. Если рѣки еще покрыты льдомъ, то онѣ окружаютъ проруби, умываютъ водой лицо, вертятся кругомъ и призываютъ весну.

Солигалическія дѣвицы выходятъ на рѣчки при восхожденіи солнца, погружаются трижды въ воду, катаются три раза по землѣ на восточную и западную стороны; послѣ, по угламъ взлѣзаютъ на избы, гдѣ поютъ пѣсни, и призываютъ весну. Все это дѣлается для здоровья.

Почти во всѣхъ мѣстахъ на Руси старушки пережигаютъ въ этотъ день въ печахъ соль. Такая пережженая соль, называемая четверговою, употребляется въ домашнемъ лѣченіи отъ многихъ болѣзней.

Изъ Стоглава узнаемъ, что наши предки „порану солому палили и кликали мертвыхъ“. Мнѣ нигдѣ не встрѣчалось видѣть исполненіе такого обычая, и существуетъ ли онъ гдѣ, доселѣ не знаю.

Проводы весны сопровождаются разными обрядами и въ

разные дни. Въ Саратовской губ. для сего дѣлали изъ соломы чучело, одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ съ ожерельями. Чучело носили по деревнѣ съ пѣснями, а послѣ раздѣвали и бросали въ воду. Въ старину, въ степныхъ селеніяхъ Тульской губ. избирали мужика, надѣвали на его голову березовый вѣнокъ, на кафтанъ нашивали ленты, въ руки давали древесныя вѣтви съ полевыми цвѣтами. Такой мужикъ назывался водокъ. Его угощали брагой и пирогами, провожали всѣ по селеніямъ съ пѣснями и плясками. Въ селеніяхъ Симбирской и Костромской губ. поселяне наряжались въ оборванныя старыя платья и представляли изъ себя хромыхъ, увѣчныхъ калѣкъ, слѣпыхъ попрошаекъ. Дѣвицы приготовляли соломенное чучело, а молодцы вывозили на улицу телѣги безъ переднихъ колесъ, связывали ихъ одна съ другою веревками въ видѣ гуська и впрягали лошадей. Потомъ начинался поѣздъ съ одного конца селенія до другого. На передней телѣгѣ помѣщалась старуха и держала на колѣняхъ чучело. Послѣ поѣзда разыгрывали хороводы. Вечеромъ съ пѣснями отправлялись къ рѣкѣ и бросали чучело въ воду.

Радуница сопровождается особенными обрядами и пѣснями. Въ Костромской губерніи Радуница бываетъ въ Ѳомино воскресенье, а въ другихъ въ понедѣльникъ. Бѣлоруссы справляютъ свою Радуницу во вторникъ, какъ и рязанцы. Въ Тулѣ въ Ѳоминъ понедѣльникъ ходятъ женщины на кладбище поминать родителей съ калачами и канономъ. Въ Иркутскѣ Радуницу справляютъ на Крестовой горѣ. Сюда, какъ на общее кладбище, сходятся поминать усопшихъ, гулять съ родными и знакомыми и пировать за упокой родителей, чѣмъ Богъ послалъ. Въ Кіевѣ поминали прежде родителей на горѣ Скавицѣ. Здѣсь, послѣ панихиды, происходило въ семейныхъ кружкахъ угощеніе. Бурсаки пѣвали тогда особенные плачевные канты. Бѣлоруссы выходятъ во вторникъ на могилы своихъ родителей, въ 2 часа пополудни, обѣдать и поминать ихъ за упокой. Сначала начинается катаніе на могилахъ

красныхъ яицъ; потомъ обливаніе могилъ медомъ и виномъ. Яйца раздаются нищимъ. Могилы покрываются бѣлымъ столечникомъ, установляются кушаньями. По старымъ примѣтамъ кушанье должно состоять изъ нечетныхъ блюдъ и сухихъ. Богатые снабжаютъ бѣдныхъ кушаньями для родительской трапезы. Послѣ сего привѣтствуютъ родителей: „святые родзители, ходзице къ намъ хлѣба-соли кушаць". И садятся на могилахъ поминать ихъ. Остатки кушанья раздаются нищимъ, и день оканчивается при корчмахъ съ пѣснями и плясками.

Обкладываніе родительскихъ могилъ на Ѳоминой недѣлѣ почитается у русскихъ въ числѣ необходимой принадлежности старыхъ людей. Сюда сходятся женихи и невѣсты испрашивать благословеніе у своихъ покойныхъ родителей на любовь и союзъ, и въ воспоминаніе своего обѣта кладутъ на могилы красныя яйца. Радуницы напоминаютъ намъ древнія тризны нашихъ праотцевъ, сопровождаемыя поминками, жертвами и возліяніями въ память усопшихъ.

Въ Орловской губерніи на Радуницкой недѣлѣ поселяне прогоняютъ смерть изъ своего села. Въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами и гоняютъ по полю смерть. Въ степныхъ губерніяхъ женщины убираютъ всю недѣлю свои избы и на ночь оставляютъ на столѣ кушанье для покойныхъ родителей. Они твердо увѣрены, что ихъ покойные родители на Радуницкой недѣлѣ заглядываютъ въ избы къ своимъ роднымъ и наказываютъ тѣхъ, которые не приготовятся къ этому.

Въ Тульской и Костромской губ. на Радуницкой недѣлѣ поселяне и горожане окликаютъ первый дождь. По преданіямъ извѣстно, что прежде въ выкликаніи дождя участвовали всѣ возрасты, а нынѣ этимъ занимаются одни дѣти.

4) Семикъ.

С. М. Соловьева.

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію

природы, находится праздникъ русалокъ или Русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный); русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природой. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія; но когда всѣ славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками. Русалки появляются съ Страстного четверга (когда въ старину, по Стоглаву, по-рану солому палили и кликали мертвыхъ), какъ только покроются луга весеннею водой, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда, однако, носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ мочилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: „Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила“.

Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ; на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ и показываются при колодцахъ. Съ Троицына дня до Петрова поста, русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти. Русальскія игры суть въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то силою чародѣйства она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту или

другую форму. Есть извѣстіе, что у чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ предъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила. У русскихъ славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время при концѣ весны совершались проводы послѣднихъ. Конецъ Русальной недѣли— Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ. Въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій. Пѣсня говоритъ:

Русалочки земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

Здѣсь важно выраженіе земляночки, указывающее на русалокъ, какъ жительницъ земныхъ нѣдръ. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище—провожанье русалокъ въ могилы.

5) Ярила.

А. Я. Ефименко.

Названіе языческаго божества Ярилы сохранилось до нашихъ дней въ преданіяхъ бѣлоруссовъ, великоруссовъ и малоруссовъ. Слово Ярила состоитъ изъ корня *яр* и окончанія *ила*. Корень *яр* соотвѣтствуетъ санскритскому ar, которому, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ греческое Ερ. Ar въ санскритѣ выражаетъ дѣйствіе возвышенія, движенія вверхъ. Подобно санскритскому корню ar, славянскій корень *яр* также сохранилъ значеніе стремительности, быстроты, пылкости, силы, свѣта, весенняго или восходящаго солнца. Какъ санскритское „ара“ значитъ быстрый, проворный, „арамъ“— быстро, скоро, такъ и великорусское областное слово „ярый“

значитъ скорый. Такъ какъ одно изъ свойствъ свѣта есть быстрота его распространенія, то въ корнѣ *яр* совмѣщаются значеніе быстроты и значеніе свѣта. Русское яркій значитъ свѣтлый. Весенній и утренній солнечный свѣтъ возбуждаетъ во всей природѣ силу возрождающую и оплодотворяющую; поэтому корень *яр* употребляется въ значеніи плодотворной силы весенняго и утренняго солнечнаго свѣта.

Ярила, богъ весенняго и утренняго солнца, изображался сначала въ видѣ коня и конской головы, потомъ въ видѣ всадника, красиваго, молодого человѣка, иногда въ видѣ младенца, сидящаго на рукахъ своей матери, иногда въ видѣ старика. Ярилѣ также приписывался и женскій образъ. Ярила — прекрасный юноша, даетъ растительную силу хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ. На головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ, въ лѣвой рукѣ горсть колосьевъ — знакъ, что Ярила есть произрастатель цвѣтовъ и хлѣбовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, по всей вѣроятности, голова побѣжденной имъ зимы и ночи. Въ честь его совершалось два праздника: одинъ при началѣ весны или возрожденіе Ярилы, другой при концѣ весны— смерть Ярилы. О первомъ утвердительно можно сказать, что онъ совершался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; о второмъ же нельзя говорить съ такою увѣренностію. Нынѣ праздникъ смерти весны или Ярилы совершается въ различныхъ мѣстностяхъ въ разное время, наиранѣе въ Троицынъ день, наипозднѣе въ первое воскресенье послѣ Петрова дня; но чаще всего во Всесвятское заговѣнье, т. е. черезъ недѣлю послѣ Троицы. Въ Великороссіи празднованіе Ярилы представляетъ нѣкоторыя различія въ мѣстностяхъ. Въ Костромѣ отправляли похороны Ярилы во Всесвятское заговѣнье. Старикъ, одѣтый въ изодранное платье, несъ во гробѣ куклу Ярилы въ видѣ мужчины. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями и потомъ зарывали въ землю. Въ Галичѣ и Кинешмѣ, Костромской губерніи, представителемъ Ярилы выбирали старика, упаивали его и забавлялись надъ нимъ. Каждая дѣвушка

отвѣшивала поясной поклонъ старику и потомъ вступала въ хороводный кругъ, составлявшій главную ихъ забаву въ это время. Ярилино торжество уничтожено стараніями архіепископовъ Меѳодія и Амвросія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, наканунѣ Троицына дня, служатъ молебны на поляхъ, окропляя ихъ и скотъ освященною водою. По окончаніи молебствія, поселяне обоего пола пляшутъ и поютъ въ честь Ярилы. Въ Воронежѣ этотъ праздникъ совершался съ такими обрядами: люди всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, нарядившись, какъ въ самый большой праздникъ, собирались съ разсвѣтомъ дня за городъ на большую площадь. Здѣсь начиналось общее разгулье, состоявшее въ пѣсняхъ, плясахъ и музыкѣ. Среди общаго веселья наряжали мужчину въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и навѣшивая на него ленты и бубенчики; лицо его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки. Дѣти возвѣщали шествіе Ярилы барабаннымъ боемъ. Ярила преважно расхаживалъ по площади и плясалъ; къ нимъ присоединялись и другіе плясуны, которые угощали его разными лакомствами. Среди разгула составляли разныя игры, отъ которыхъ переходили къ страшнымъ кулачнымъ боямъ. Епископъ Тихонъ, искоренившій этотъ обычай, называетъ его бѣсовскимъ и говоритъ, что нѣкогда былъ древній истуканъ Ярила. Праздникъ назывался „игрищемъ“, и народъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онъ начинался въ среду или въ пятницу послѣ дня Сошествія Св. Духа и оканчивался въ первый понедѣльникъ.

6) Свадебные обряды и пѣсни.

Н. Ѳ. Сумцова.

Свадебные обряды всѣхъ индоевропейскихъ народовъ вообще и народовъ славянскихъ въ частности естественнымъ образомъ распадаются на три отдѣла: 1) обряды, которые совершаются въ домѣ отца невѣсты; 2) обряды, имѣющіе мѣсто при отправленіи молодой въ домъ новобрачнаго, и

3) обряды въ домѣ новобрачнаго. Въ виду того обстоятельства, что нѣкоторые обряды, имѣющіе мѣсто въ домѣ отца невѣсты, повторяются въ домѣ новобрачнаго, затѣмъ въ виду неравномѣрнаго количественнаго распредѣленія обрядовъ по отдѣльнымъ актамъ свадьбы, болѣе удобнымъ является раздѣленіе всѣхъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ на два широкихъ отдѣла: 1) свадебные обряды и пѣсни, относящіеся къ гражданскому укрѣпленію брака, и 2) свадебные обряды и пѣсни, служившіе въ языческой древности религіознымъ освященіемъ супружескаго союза. Почти всѣ свадебные обряды такъ или иначе примыкаютъ къ одному изъ этихъ двухъ отдѣловъ: или опредѣляютъ положеніе брачущихся въ семьѣ и обществѣ, или обезпечиваютъ имъ счастіе и чадородіе, ставя ихъ подъ покровительство обоготворенныхъ небесныхъ явленій.

Обряды юридическаго свойства очень тѣсно переплелись съ обрядами религіозно-миѳическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возникаетъ большое затрудненіе опредѣлить происхожденіе и первоначальное значеніе обряда.

Иное свадебное дѣйствіе, возникнувъ, повидимому, изъ древнихъ семейныхъ отношеній, дѣйствіе исключительно бытовое, въ теченіе своей многовѣковой жизни, мало-по-малу отдѣлилось отъ породившаго его явленія, изъ живого дѣйствія сдѣлалось безсознательно или полусознательно совершаемымъ обрядомъ и глубоко сроднилось съ опредѣленной стороны съ дѣйствіемъ чисто миѳологическаго воззрѣнія.

Всѣ славян. свадьбы въ началѣ не богаты обрядами, и начальные свадебные обряды, за весьма немногими исключеніями, указываютъ на господствовавшія въ разное время средства пріобрѣтенія невѣсты и укрѣпленія владѣнія ею. Начало славянскихъ свадебъ, въ особенности свадьбы великорусской, историку древне-русскаго права и быта даетъ болѣе, чѣмъ историку народной поэзіи и миѳологу.

Въ отдаленный, до-историческій періодъ народнаго развитія, съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ опредѣленной

формы соединенія двухъ половъ, черты брака человѣческаго были перенесены на небо. Простодушная и наивная мысль древняго человѣка небесное и земное переплела нераздѣльно; событія человѣческой жизни она перенесла въ воздушныя сферы; небесными явленіями она украшала скромное человѣческое существованіе; солнечными лучами обливала новобрачную и сдѣлала ее такъ-же лучезарной и священной, какъ само солнце; цвѣтами радуги опоясала станъ дѣвушки и разсыпала плодотворныя молніи, пролила весенній животворный дождь среди пирующихъ свадебныхъ гостей. Солнце, луна, звѣзды, земля и молніи стали принимать дѣятельное участіе въ судьбѣ человѣка, опредѣлять время его рожденія и счастіе или несчастіе всей будущей жизни, устраивать бракосочетаніе и т. д.

Перенесеніе брачныхъ свойствъ свѣтилъ небесныхъ на человѣческій бракъ сдѣлало послѣдній таинствомъ. У многихъ народовъ, въ томъ числѣ у образованнѣйшаго народа древности—грековъ, бракъ считался таинствомъ. Небесный бракъ сталъ освящающимъ первообразомъ брака земного, придавъ послѣднему священное, таинственное значеніе. У древнихъ индусовъ всѣ восемь формъ брака носили имена боговъ и демоновъ. Наиболѣе уважаемыя формы брака получили имена наиболѣе чтимыхъ боговъ.

Съ женитьбой и замужествомъ издавна соединяли мысль о предопредѣленіи. Кто на землѣ вступаетъ въ супружескій союзъ, значитъ такъ было заранѣе предназначено въ небесной книгѣ. Отсюда выраженія: „суженой“, „суженая“ „суженаго конемъ не объѣдешь“. Отмѣтимъ супружескія небесныя пары, въ большей или меньшей мѣрѣ входившія въ міровоззрѣніе славянскихъ народовъ.

1) Небо и земля. „Очевидное для всѣхъ, говоритъ Аѳанасьевъ, вліяніе неба на земные урожаи невольно возбуждало въ умѣ мысль о супружескомъ союзѣ отца неба съ матерью землею“... Согласно съ этимъ, небо обозначалось словами мужескаго, а земля—женскаго рода.

писныхъ разсказахъ, открываются только изъ семейной, женской или молодецкой, словомъ, изъ частной и бытовой пѣсни. Потому мы и разсмотримъ подробно собственно этотъ разрядъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, богатыхъ чертами истинной, самобытной поэзіи русскаго народа.

Тонъ русской народной пѣсни — грустный, тоскливый до крайности; ея отличительный характеръ—или глубокая сердечная тоска, или отчаянное, неудержимое веселье, доходящее до самозабвенія. Такой характеръ нашей народной пѣснѣ придала—съ одной стороны—равнинная, по большей части, степная природа Россіи, невольно наводящая тоску и уныніе на душу своимъ ужасающимъ однообразіемъ. Припомнимъ наши обширныя, непроглядныя и малонаселенныя степи, наши дремучіе и до крайности однообразные лѣса; наши темныя, нескончаемыя осеннія ночи, наши долгія и суровыя зимы, — и намъ не покажется удивительнымъ то грустное чувство, которое прорывается повсюду въ русской народной пѣснѣ. Съ другой стороны, жизненныя, историческія причины, вслѣдствіе которыхъ сложился русскій народный бытъ, съ его семейнымъ деспотизмомъ, съ подчиненіемъ женщины грубой деспотической власти мужчины, съ грубостію нравовъ вообще, съ неувѣренностію въ завтрашнемъ днѣ и въ своемъ семейномъ благополучіи,—все это наложило печать глубокой тоски на нашу народную пѣснь. Пѣсни семейныя — женскія и мужескія, дѣвичьи, свадебныя и т. д.—запечатлѣны особеннымъ тономъ тяжкой, безысходной печали. Онѣ полны той глубокой сокрушительной скорби, которая невольно васъ за сердце хватаетъ. Въ каждомъ словѣ ихъ слышны слезы горючія, которыя какъ рѣка льются, какъ ручей текутъ.

Не наполнишь ты синя моря слезами,

говорится въ одной дѣвичьей пѣснѣ. Нѣкоторыя дѣвичьи пѣсни отличаются въ то же время нѣжностію, а иногда и удивительною силою чувства, какою-то особенною, простодушною граціею и нѣжнымъ, поэтическимъ отношеніемъ къ

природѣ. Вотъ какъ говоритъ дѣвушка въ пѣснѣ о вѣрности своему другу:

Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками...

Участь оставленной дѣвушки пѣсня сравниваетъ съ участью горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтушекъ. А какъ хороша пѣсня, гдѣ дѣвушка сравнивается съ „тонкою, бѣлою, кудреватою березою, которую ни солнышко, ни мѣсяцъ не грѣютъ, не усыпаютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями, да ломитъ буйнымъ вѣтромъ“.

Вообще чувство женщины выражается въ нѣкоторыхъ русскихъ пѣсняхъ съ рѣдкою поэтическою граціею и въ прекрасныхъ поэтическихъ выраженіяхъ, какъ напр. въ извѣстной пѣснѣ: „На горѣ стоитъ ёлочка“, съ этимъ граціознымъ припѣвомъ:

Я нейду и не слушаю;
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.

Въ большой же части дѣвичьихъ или женскихъ пѣсенъ высказывается горемычная доля дѣвушки, которую, не спросясь о ея желаніи, помимо ея свободнаго выбора, выдаютъ замужъ. Сколько безотрадной тоски и въ то же время какая трогательная кротость и нѣжная любовь къ родителямъ слышатся обыкновенно въ словахъ этихъ пѣсенъ! Дѣвушка прощается съ своей дѣвичьей красою, съ своимъ садикомъ, съ цвѣтами, съ соловьемъ: „Завянутъ безъ меня всѣ цвѣточки въ саду“, говоритъ она. „Пой, мой громкій соловей, во всю ночку, во всю мѣсячную! Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити“. Она „горемыка горегорькая“, съ кроткою мольбою и любовію, обращается къ своей „желанной“ матушкѣ и проситъ не отдавать ее чужимъ отцу съ матерью, которые „безжалостливы

уродилися“. Но свѣтелъ мѣсяцъ—родимый батюшка и красно солнышко—родима матушка запоручили ее, дѣвицу красную, за поруки крѣпкія, за замки вѣковѣчные, выдали ее на чужую сторону, которая, въ понятіяхъ дѣвушки, „горемъ горожена, а печалью усожена, слезами поливана, тоскою покрывана“. И здѣсь-то начинаются тѣ печальныя картины грубаго, суроваго семейнаго быта, которыя, съ такою безпощадною вѣрностію дѣйствительности, рисуются въ пѣсняхъ. Тутъ и „свекорь и свекровь лютые“, и „золовки смутливыя“, и „деверья пересмѣшливые“; тутъ всѣ съ нею не ласковы, всѣ ею понукаютъ; тутъ она должна учиться привыкать къ той страдательной покорности, про которую говорится въ пѣснѣ: „держи голову поклонную, а сердце покорное“; тутъ она свыкается съ мужнинымъ „умомъ-разумомъ и обычаемъ молодецкіимъ“; иначе ее ждутъ побои отъ мужа да шелкова плетка, которою—„первый разъ ударитъ, такъ семь рубцевъ, другой разъ — такъ четырнадцать“, говоритъ одна пѣсня. Жалоба женщины на ея печальное и тяжелое положеніе въ семейномъ быту — это мотивъ, общій почти всѣмъ женскимъ или дѣвичьимъ пѣснямъ. Жалоба эта высказывается по большей части съ кроткою грустію и не смѣло; но въ иныхъ пѣсняхъ, она раздается съ большою силою и рѣзкостію, какъ напр. въ пѣснѣ: „Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди, что на всѣ-ли на четыре стороны“.

При такомъ устройствѣ общественнаго быта, при такомъ состояніи семейныхъ нравовъ, ясно, что не только женщина, но и мужчина, и самъ древній добрый молодецъ, долженъ былъ страдать. И вотъ въ пѣснѣ злодѣй-тоска падаетъ на сердце молодецкое, „какъ туманъ на синё море“; добрый молодецъ „во слезахъ родится, во слезахъ крестится, и всю жизнь, какъ былинушка, въ чистомъ полѣ шатается его бѣдная головушка“. Добрый молодецъ допытывается у матери о своей судьбѣ и говоритъ:

Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни, моей матушки, спрошуся:

Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

Но счастье-то молодцу не досталось въ удѣлъ: посѣдѣла его буйная головушка не отъ времени, не отъ лѣтъ, все отъ безвременья. И добрый молодецъ, чтобы подавить свою злодѣй-тоску, предается грубому разгулу, топитъ свое горе въ зеленѣ винѣ и говоритъ въ пѣснѣ:

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину...

Итакъ, вотъ гдѣ ищетъ исхода русскій добрый молодецъ своему горю. Такого исхода своему горю человѣкъ можетъ искать только въ обществѣ грубомъ, неразвитомъ; и исходъ этотъ, нѣтъ сомнѣнія, представляется крайне печальнымъ. Но та удаль, которую мы встрѣчаемъ въ мужскихъ пѣсняхъ, удаль, которой все нипочемъ; злая насмѣшка надъ злодѣй-тоской и презрѣніе къ собственной долѣ; наконецъ горькія жалобы на горемычную долю, разлитыя въ пѣсняхъ женскихъ,—все это доказываетъ, съ одной стороны, что древне-русскій человѣкъ не хотѣлъ мириться съ темною стороною своей дѣйствительности; что онъ протестовалъ противъ нея и искалъ выхода изъ подъ тяжелаго гнёта обстоятельствъ; а съ другой—свидѣтельствуютъ о необыкновенной силѣ воли и энергіи народнаго духа, который не могла сокрушить никакая невзгода, никакія неблагопріятныя обстоятельства исторіи.

8) Русская народная пѣсня.

(Художеств. характеристика).

I.

....Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ

прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо—оно было блѣдно, какъ у мертваго, глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ.... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но пронесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звучащій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаніемъ, за вторымъ—третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. „Не одна во полѣ дороженька пролегала"—пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ, видимо, овладѣвало упоеніе; онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастію; голосъ его не трепеталъ болѣе—онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянію зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья на встрѣчу знакомому морю, на встрѣчу низкому, багровому

солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, по видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участіемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необразимо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданія внезапно поразили меня.... я оглянулся—жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго. Николай Иванычъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣжанный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичекъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головою; и по желѣзному лицу Дикаго-Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ-бы разрѣшилось всеобщее томленіе, еслибъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ—словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ-ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаніемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его....

(*И. С. Тургеневъ*. Пѣвцы).

II.

Парень-запѣвало починалъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводя какъ-бы изъ соловьинаго горла начинальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она безпредѣльная, какъ Русь. И Пѣтухъ, встрепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русскій....

(*Н. В. Гоголь*. Мертвыя Души, ч. 2-я.)

Вып. XIV-й. А. П. Сумароковъ. Избранныя драматическія произведенія. Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Опекунъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній. Ц. 50 к.

Вып. XV-й. Типы скупого въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ. Кубышка, ком. Плавта.—Скупой, ком. Мольера.—Плюшкинъ Гоголя.—Скупой рыцарь Пушкина.—Три характеристики Өеофраста.—Русскія пословицы о скупости. Ц. 40 к.

Вып. XVI-й. Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями. — Поученіе Владиміра Мономаха. — Три объяснительныя статьи.—Словарь. Ц. 50 к.

Вып. XVII-й. Императрица Екатерина II. Избранныя сочиненія. Начальное ученіе.—Пословицы.—Сказки.—Были и небылицы.—О время! ком.—Объяснительныя статьи. Ц. 45 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Мая 1894 г.

Типографія Глазунова, Казанская № 8.

Волковъ. Образовательный курсъ наглядной геометріи. Руководство для преподавателей начальныхъ и городскихъ школъ и низшихъ классовъ среднихъ образовательныхъ заведеній. Съ чертежами въ текстѣ и съ задачами. Спб. 1873. Ц. 1 р.

Востоковъ. Сокращенная русская грамматика. Изд. 16. Спб. 1877. Ц. 14 к.

Гаварре. Медицинская физика. О теплотѣ, производимой живыми существами; переводъ съ французскаго Вертоградова, подъ редакціею Профессора Чистовича съ 41 политипажемъ въ текстѣ. Спб. 1866. Ц. 1 р. 75 к.

Гавриловъ. Примѣненіе стилистическихъ задачъ въ связи съ преподаваніемъ грамматики и чтеніемъ хрестоматіи. Спб. 1875. Ц. 30 к.

Галаховъ. Исторія русской словесности. Учебникъ для средне-учебныхъ заведеній. Изд. 7. Спб. 1891. Ц. 1 р.

— Историко-литературная хрестоматія нов. періода русской словесности. Изд. 7-е. Спб. 1893. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.

— Русская хрестоматія. Изд. 22-е. Спб. 1892. Ц. 1 р. 75 к.

Гогоцкій. Философскій лексиконъ. Т. 1-й. буквы А. Б. В. Изд. 2-е. Спб. 1859. Ц. 2 р. 50 к.

Гончаровъ. Фрегатъ Паллада, очерки путешествія, со включеніемъ дополнительныхъ главъ, въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ. 4-е исправленное изданіе. Спб. 1886. Ц. 4 р.

— Полное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. 9 т. Спб. 1887. Ц. 13 р. 50 к.

Гротъ. Русское правописаніе. Изд. 10. Спб. 1893. Ц. 60 к.

— Стихи и проза для дѣтей. Изд. 3. Спб. 1892. Ц. 60 к.

Жуковскій. Одиссея Гомера. Переводъ. Спб. изд. 2-е. 1894. Ц. 1 р.

— Орлеанская дѣва, Шиллера, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ, съ примѣчаніями Максимова. Спб. 1878. Ц. 60 к.

— Ундина, старинная повѣсть, изъ Ламоттъ-Фуке. Спб. 1893. Ц. 50 к.

— Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ. Спб. 1885. Ц. 10 к.

— Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея Безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери. Спб. 1884. Ц. 8 к.

— Сказка о Спящей Царевнѣ. Спб. 1885. Ц. 8 к.

Игнатій, архимандритъ. Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ 2 ч. Спб. 1875. Ц. 3 р.

— Слово въ защиту русскихъ монастырей. Спб. 1874. Ц. 40 к.

Игнатій, епископъ. Сочиненія: т. 3-й и 4-й. Спб. 1866—1867. Ц. 5 р.

Изъясненія воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, для употребленія въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изд. 17-е. Спб. 1880. Ц. 19 к.

Ильменскій. Уроки по закону Божію для христолюбивыхъ воиновъ. Спб. 1877. Ц. 40 к.

Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта, для употребленія въ училищахъ, на русскомъ языкѣ. Спб. 1865. Ц. 17 к.

— Тоже, на славянскомъ языкѣ. Спб. 1884. Ц. 30 к.

Кантеміръ. Сочиненія, письма и избранные переводы. Съ портретомъ автора, со статьею и примѣчаніями В. Я. Стоюнина и съ библіографическими замѣтками: Томъ 1-й: Сатиры, мелкія стихотворенія и переводы въ стихахъ. Спб. 1867. Ц. 2 р. Томъ 2-й: Сочиненія и переводы въ прозѣ, политическія депеши и письма. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Каталогъ книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова (1855—1866). Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.

— Первое прибавленіе къ нему (1867—1869). Спб. 1869. Ц. 60 к.

— Второе прибавленіе къ нему (1869—1873). Спб. 1874. Ц. 60 к.

— Третье прибавленіе къ систематической росписи книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова, составлено за время съ 1873 г. по Январь 1881 г. В. И. Межовымъ, съ указаніемъ переводовъ, критическихъ статей, рецензій и библіографическихъ замѣтокъ и прибавленіемъ азбучнаго указателя именъ и предметовъ. Спб. 1882. Ц. 6 р.

— Четвертое прибавленіе составлено имъ же. Спб. 1884. Ц. 3. р. 50 к.

— Пятое прибавленіе составлено имъ же. Спб. 1889. Ц. 5 р.

Кеневичъ. Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. 2-е изданіе, съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи И. А. Крылова, имъ же собранныхъ. Спб. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время (царствованіе императора Александра 1-го). Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к.

— Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853—54 годахъ. Бомбардированіе Севастополя; съ планами и картою. Книга удостоена высшей преміи военно-ученаго комитета. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.

— Странствователь по сушѣ и морямъ. Ташкентъ, Бухара, Хива, Афганистанъ, Карпаты, Нижній Дунай и Балканы. Въ 4-хъ частяхъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Спб. 1871. Ц. 2 р.

— Черногорія и славянскія земли, съ рисунками и картою. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.

— Путешествіе во внутреннюю Африку: Ч. 1-я. Египетъ и Нубія. Ч. 2-я. Земля негровъ. Съ картою и 17-ю рисунками. Спб. 1872. Ц. 2 р.

Constantin. Cours pratique de la langue française, à l'usage des écoles. 2 части. Ed. 11-е. Спб. 1891. Ц. 60 к.

— La statistique aux prises avec les grammairiens ou essai de simplifier l'étude du genre des substantifs et celle de la conjugaison. St.-Pét. 1876. Ц. 1 р.

Корнель. Начальный курсъ географіи по американской методѣ, съ 11 картами и со многими политипажами. Ц. 1 р. 25 к.

Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Съ 3 портретами. 2 т. Спб. 1861. Ц. 3 р.

Красновъ. Учебникъ стилистики. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Кузнецовъ. Учебный курсъ географіи Россійской Имперіи. Изд. 7-е Спб. 1872. Ц. 75 к.

— Приготовительный курсъ всеобщей географіи. Изд. 2-е. Спб. 1863. Ц. 75 к.

Лафоостъ. Новая французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Курсъ 1-й. Этимологія, фонетика и грамматическое правописаніе. Спб. 1877. Ц. 75 к.

— Новая французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Курсъ 2-й. Логическій разборъ и синтаксисъ. Спб. 1879. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей для постепеннаго перевода на французскій языкъ, съ приложеніемъ словаря. Изд. 5-е. Спб. 1892. Ц. 75 к.

— Tables de conjugaisons des verbes réguliers et irréguliers. Таблицы для спряженій правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ. Спб. 1877. Ц. 40 к.

Ленцъ. Руководство къ физикѣ. Изд. 7-е. Спб. 1867. Ц. 82 к.

Лермонтовъ. Сочиненія, съ портретомъ его, двумя снимками съ рукописи и біографическимъ очеркомъ. Изд. 6-е, вновь исправленное подъ редакціей П. А. Ефремова. 2 т. Спб. 1889. Ц. 3 р.

— Сочиненія въ 1 томѣ. Спб. 1891. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., въ бумажкѣ 1 р.

— Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова. Съ 12 рис. Шарлеманя и портретомъ Лермонтова. Спб. 1865. Ц. 50 к.

— Тоже съ 11 картинками и съ портретомъ Лермонтова, Изд. 4-е. Спб. 1885. Ц. 5 к.

L'Homond. Epitome historiae Sacrae ad usum tironum linguae latinae. Спб. 1888. Ц. 75 к.

Лукинъ и Ельчаниновъ. Сочиненія и переводы. Съ портретомъ Ельчанинова, со статьею о Лукинѣ А. Н. Пыпина и съ библіографическими замѣтками, подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб. 1868. Ц. 2 р.

Маакъ. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ I-й. Изд. 7-е. Спб. 1882. Ц. 25 к.

— Курсъ III-й. Изд. 4-е. Спб. 1881. Ц. 65 к.

— Курсъ IV-й. Изд. 2-е. Спб. 1876. Ц. 50 к.